

Ауримас Шведас
Ирена Вейсайте

ЖИЗНЬ ДОЛЖНА БЫТЬ ЧИСТОЙ

Москва
«Пробел-2000»
2019

Ауримас Шведас

Жизнь должна быть чистой

«Пробел-2000»

2019

УДК 821.161.1.09
ББК 84(2=411.2)6

Шведас А.

Жизнь должна быть чистой / А. Шведас — «Пробел-2000», 2019

ISBN 978-5-98604-725-6

Чем дальше, тем яснее ощущение, что все мы — дети чудом уцелевших. Главным образом это касается европейского, и прежде всего еврейского населения, и, наверное, в первую голову литваков, — литовского еврейства, из которого в Холокост спаслась едва десятая часть. Сами уцелевшие наперечет, и одна из этих немногих — Ирена Вейсайте. Девочкой-подростком она бежала из каунасского гетто, чтобы прожить длинную, прекрасную, осмысленную жизнь, полную радости и печали, достижений и открытий. Об этой жизни, о ее удивительном, поучительном, духоподъемном опыте — книга бесед с Иреной, записанных историком Ауримасом Шведасом. И главный итог, главная мудрость этой жизни — не множить зло на зло, убийство на убийство, месть на ненависть. Одна из самых оптимистичных книг нашего непримиримого, мстительного времени.

УДК 821.161.1.09

ББК 84(2=411.2)6

ISBN 978-5-98604-725-6

© Шведас А., 2019

© Пробел-2000, 2019

Содержание

Предисловие	8
Разговор I	11
Разговор II	25
Разговор III	32
Разговор IV	36
Разговор V	89
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Ауримас Шведас. Ирена Вейсайте Жизнь должна быть чистой

«Пока у человека не отнята способность размышлять, он, наблюдая за процессом старения и постоянных утрат, многое начинает видеть в другом свете. Больше ценит и радуется тому, что даровано, не только осознавая, но и ощущая, что такое временность, преходящность. Главное – не роптать. Я уже давно чувствую, как тикают часы моей жизни, и за этим тоже интересно наблюдать. Чувствую, что благодарна за все, что было мне дано, благодарна всем людям, которые сопровождали меня на жизненном пути и столько мне дали, благодарна своей семье и близким друзьям. Желаю им мира, спокойствия, любви и творческой жизни. Наконец ясно поняла, почему надо уметь прощать; поняла, что пришло время не поучать детей и молодежь, а учиться у них, ибо, как я уже говорила, в жизни нет ничего постоянного, кроме перемен».

Перевод с литовского языка:

Aurimas Svedas, *Irena Veisaitė: Gyvenimas lurėiii buti skaidrus*, Vilnius: Aukso zuvys, 2016.

В книге использованы фотографии из архива Ирены Вейсайте, а также фотографии: Альгимантаса Александровичюса, Оны Паедайте, Аудрюса Завадскиса, Дмитрия Матвеева, Антанаса Суткуса, Артура Морозова. Автор фото на задней обложке – Александра Яцовските.

Ирена Вейсайте и Ауримас Шведас, 2015

© Вейсайте И., 2019

© Шведас А., 2019

© Герасимова А., 2019

© «Пробе л-2000», оформление, 2019

© Еврейское сообщество «Вильнюс – Литовский Иерусалим», 2019

Предисловие

На очной ставке с памятью и историей мы, как правило, размышляем о смысле своего существования и начинаем рассказывать. Перефразируя английского писателя Грэма Свифта, таким образом мы заполняем пустоту и рассеиваем страх перед тьмой¹. Иными словами, мы все хотим что-то рассказать, расставить какие-то знаки, ориентиры, вехи в своей личной истории и в истории страны и народа, чтобы осмыслить эту историю, оценить значение и важность каждого своего решения, в конце концов – справиться с грузом той ответственности, которую эти решения налагают.

Так что книга эта родилась из осознанной необходимости поговорить о важнейших вопросах бытия и в то же время взглянуть на историю литовского общества и государства через призму одной человеческой жизни.

Героиня, она же соавтор этой книги, согласившаяся поделиться своим опытом, переживаниями, мнениями – германист, театровед и многолетний председатель Фонда «Открытая Литва» Ирена Вейсайте. Наши беседы 2013–2015 гг., в которых я попытался зафиксировать живую историю моей собеседницы, стали для меня важнейшим экзистенциальным опытом.

Почему для меня было важно услышать рассказы Ирены Вейсайте? Упомяну здесь лишь несколько аспектов, при этом постараюсь расставить какие-то ориентиры для будущего читателя.

Личная история Ирены Вейсайте позволяет взглянуть на четыре эпохи двадцатого века: межвоенное время, период первой советской и нацистской оккупации, советский период, возрождение и становление литовской независимости; помогает интерпретировать эти эпохи и перекинуть между ними мосты взаимопонимания. Так что во время наших бесед я не только задавал вопросы «Как было на самом деле?», но постоянно искал повод задуматься: «Что все это значит для нас сейчас?»

Постоянное внимание к сфере культуры, как в советские времена, так и в пору независимости Литвы, позволило моей многочасовой собеседнице накопить уникальный опыт знакомства с людьми, явлениями и процессами, о которых мы теперь можем узнать только из текстов, фотографий, фильмов. Потому я и просил Ирену Вейсайте делиться воспоминаниями о театральном мире Советского Союза, Литвы и Восточной Европы, об интересных постановках и их режиссерах, о встречах с писателями и представителями других сфер искусства, не избегая вопросов, побуждающих к субъективным оценкам и интерпретациям.

Память и этическая позиция человека, пережившего Холокост, позволяют Ирине Вейсайте говорить о болезненном и травматическом опыте Литвы и Восточной Европы, в то же время подчеркивая императив: уметь простить и совместно восстанавливать жизнь. Уверен, что опыт таких людей, как моя героиня, и воспитанная ими в себе способность *понять, простить и жить дальше* особенно важен для литовского общества 21 века. Так что умение справиться со сложной и скорбной историей – еще один важный лейтмотив этой книги.

Вышеупомянутые вещи определили тематику и структуру наших с Иреной разговоров.

В первой и второй частях книги Ирена Вейсайте рассказывает о детстве, семье, межвоенном Каунасе, первой советской оккупации и начале Второй мировой войны.

Третья и четвертая части повествуют о жизни Ирены в Каунаском гетто, о ее побеге, с помощью спасителей, с этой территории смерти, о попытках остаться в Вильнюсе и встрече со Стефанией Ладигене.

---

¹ Имеется в виду роман Грэма Свифта «Земля воды». Действие происходит в 1970-е годы. Лондонский учитель истории Томас Крик рассказывает своим воспитанникам разные вещи, мало связанные со школьной программой, но постоянно вызывающие вопрос: «Почему? Какой в этом смысл?» (Впервые по-английски – 1983, в русском переводе издан в 2000 г.).

Пятая и шестая части посвящены первым послевоенным годам, обучению в гимназии им. Саломеи Нерис, в Вильнюсском, Московском и Ленинградском университетах.

В седьмой части Ирена Вейсайте делится впечатлениями о работе в Вильнюсском Педагогическом институте, о деятельности организованной ею Театральной секции, о «Театральных мозаиках» – исключительном явлении в общественно-культурной жизни Вильнюса.

Восьмая часть – о литовском театре, о его ярких личностях, выдающихся режиссерах и созданных ими спектаклях.

В девятой части говорится об «островках» единомышленников в Вильнюсе советских времен и происходившей там интеллектуальной жизни.

Десятая и одиннадцатая части – о книгах и выраженных в них идеях, экзистенциально важных для Ирены Вейсайте, здесь же – воспоминания о встречах с литовскими писателями.

В двенадцатой части намечены контуры личной истории Ирены Вейсайте.

Тринадцатая часть – история учреждения и деятельности Фонда «Открытая Литва».

Эпилог – попытка осмыслить марафон бесед, ставший основой этой книги.

Постскрипtum – фрагменты нескольких разговоров, которые мы с Иреной Вейсайте записали уже после выхода книги на литовском языке в 2016 году.

Завершает книгу «Приложение». Собранный здесь материал продолжает и углубляет разговоры, создает для них контекст, предоставляет читателю дополнительную возможность взглянуть на уже знакомые сюжеты в новой перспективе.

Для тех, кто хотел бы подробнее узнать об описанных в книге событиях, явлениях, личностях, имеются сноски. Русскоязычный читатель найдет в них пояснения относительно литовских культурноисторических реалий.

Надеюсь, что опубликованные в этой книге диалоги (а также материалы приложения) будут интересны не только исследователям прошлого, но и существенно дополняют новыми штрихами начатый Ивом Плассеро² портрет личности Ирены Вейсайте.

Писательство – ремесло одинокое, однако к жанру устной истории (*oral history*) это правило не подходит, а осмысление прошлого во время беседы и фиксация этого опыта – плод коллективных усилий. Поэтому сердечно благодарю тех, без кого не состоялась бы эта книга: Ирену Вейсайте за общение, умение поделиться своей жизненной историей и найти духовную общность; Энрике Жилите, которая помогла превратить эти беседы в текст; Станисловасу Стасюлису за помощь в составлении фактологического и контекстного комментария; профессорам Саулюсу Сужеделису и Ларе Лемперт, которые читали и рецензировали этот текст.

Хотелось бы сердечно поблагодарить Фонд им. Якова Бунки и лично Даумантаса Ляваса Тодесаса за неоценимую помощь в осуществлении настоящего издания. Спасибо Анне Герасимовой за профессионализм и любовь, с которыми выполнен перевод, Марине Войцкой за помощь Ирене Вейсайте с авторской редакцией текста, Йокубасу Яцовскису за предоставление материалов для оформления, Ивану Плигину (издательство «Пробел») за подготовку макета русскоязычного издания.

Также от своего имени и от имени Ирены Вейсайте приношу благодарности организациям и лицам, с чьей финансовой помощью выпущена книга. Это Департамент национальных меньшинств при Правительстве Литовской республики, Сообщество евреев Литвы (литваков), Еврейское сообщество «Вильнюс – литовский Иерусалим», Фонд Доброй воли, Благотвори-

---

² Yves Plasseraud, *Irena Veisaitė. Tolerance and involvement*, Brill / Rodopi, 2015. Книгу французского правозащитника, многолетнего друга Ирены Вейсайте Ива Плассеро следует отнести к жанру познавательной литературы; автор ориентируется прежде всего на читателя, который ничего не знает ни о судьбах Литвы и литовского еврейства в 20 веке, ни о самой героине книги. Что касается настоящего издания, то его автор считал одной из своих основных целей с помощью Ирены Вейсайте осмыслить ее жизненный путь, как уже упоминалось выше, часто задаваясь вопросом: что память и история значат для нас, живущих здесь и сейчас. Последнее обстоятельство определяет иной, отличный от книги Ива Плассеро, круг обсуждаемых тем и характер задаваемых вопросов.

тельный фонд имени Якова Бунки, ООО „SPEKTRAMED“ и Йонас Жибуркус, Аркадий Майзелис.

Сердечное спасибо за разнообразную помощь и содействие: Марюсу Микалаюнасу, Ольге Угрюмовой, Юдите Глауберзонайте, Ефиму и Алине Славинским.

Ауримас Шведас

Разговор I «Жизнь должна быть чистой»

Ваша жизнь насыщена разнообразными событиями и пограничным опытом. Никогда не возникало мысли сесть за стол и что-то зафиксировать на бумаге?

Конечно, возникало. Более того, мне все советовали за это взяться, просто я, по самым разным причинам, не хотела и не могла пускаться в воспоминания. Возвращаясь в прошлое, надо его перечувствовать, а это неподъемный труд. Я живу как в броне. Чтобы вам понятнее была эта метафора, расскажу один случай. Когда мы с двумя моими бывшими студентками, а теперь уже близкими подругами, Аудрой Жукайтите и Редой Пабарчене³, пошли на фильм Анджея Вайды «Страстная неделя»⁴, они вышли из кинозала в слезах, а я приняла эту потрясающую историю варшавской еврейки в годы Второй мировой войны совершенно спокойно. Конечно, собственная реакция вызвала у меня вопрос: «Что происходит?» И вот тогда я очень четко поняла, что живу в броне, в латах.

Другая причина, по которой я никогда не писала воспоминаний и не хотела этого делать, связана с моим образом жизни, а может, и с характером. Я всегда жила сегодняшним днем, всей душой участвовала в настоящем, так что на прошлое просто не оставалось времени. Постоянно надо было о чем-то думать, писать, работать, действовать. Много сердца и времени отдавала преподаванию, воспринимала его как некую миссию.

Есть и еще одна причина... Мне кажется, когда человек пишет, он должен полностью открыться. Если этого не происходит – результат будет неинтересным. При советской власти это было невозможно!

Такие откровения бывают и глубоко личными. Я не умею и не могу говорить о некоторых очень личных, частных переживаниях. Понимая это, я спрашивала себя: «Если я не могу писать полностью откровенно – зачем вообще писать?» С другой стороны, многие взгляды на какие-то важные для меня вещи я уже высказала в статьях и докладах на конференциях в Литве и за рубежом.

И вот еще важная вещь. После войны для меня, чудом оставшейся в живых, одним из главных стимулов двигаться вперед было желание рассказать миру, что же на самом деле произошло. Но никто не хотел слушать ни меня, ни других, переживших этот страшный опыт. Так что говорить об этом было безнадежно бессмысленно...⁵ Кроме того, надо было цепляться за жизнь, и очень скоро я поняла, что оживление болезненных воспоминаний не проходит даром, оно преследует. После войны из поколения родителей в живых осталась только моя теть, мамина двоюродная сестра Она Штромайте⁶. Она прошла каунасское гетто, а позднее и Штуттгоф. Для тети Аннушки, как ее все называли, послевоенная жизнь стала вечным трауром. Избегая общества (после войны ни разу не была ни в кино, ни в театре), она оплакивала уничтоженное и утраченное. Возможно, поэтому очень рано умерла. А мне хотелось жить.

---

³ Аудра Жукайтите – художественный руководитель международного театрального фестиваля «Сирены», заведующая по зарубежным связям театра Оскараса Коршуноваса. Реда Норейкайте-Пабарчене – литературовед.

⁴ Фильм Анджея Вайды “Wielki tydzien” (1995).

⁵ Это молчание поддерживалось официальной советской политикой в отношении памяти Второй мировой войны, лейтмотивом которой значилась «борьба с фашизмом», а опыт отдельных национальностей обобщался как лишения, через которые прошло «мирное советское население». Как резюмирует историк Альфонсас Эйдинтас, «советы руководствовались известным положением – евреи есть, а еврейского вопроса нет. Что касается Холокоста, это упрощает дело: множество евреев было уничтожено фашистами, но никакого отдельного Холокоста не было, в ходе войны происходило массовое уничтожение советских граждан, так что все национальности объединялись в общую группу жертв фашизма» (Eidintas, A. *Zydai, lietuviai ir Holokaustas*. Vilnius: Vaga, 2002, p. 326).

⁶ Она (Аннушка) Штромайте (1901–1967) – хозяйка продуктовой лавки в Каунасе, теть Ирены Вейсайте.

Жизнь притягивала меня. Но надо было как-то найти в ней свое место, утвердиться, создать для себя цель и смысл.

Разговор – всегда сотрудничество двоих, поскольку вопрошающему очень важно как следует понять собеседника. Одним удастся вспомнить мельчайшие детали событий, случившихся несколько десятков лет назад; другие мастерски реконструируют какие-то более общие образы прошлого, не выделяя деталей; третьим для активизации памяти требуются фотографии или фрагменты дневника. Как воссоздается прошлое в Ваших мыслях?

Самые яркие из воссоздаваемых образов связаны с эмоциями. Я могу забыть содержание произведения, какие-то связанные с ним обстоятельства, но вызванную им эмоцию всегда помню хорошо.

Думая о том, как охарактеризовать Вашу жизнь, я вдруг вспомнил мысль, прозвучавшую в нашу первую встречу: и Вам, и мне близок взгляд на жизнь как художественную форму. Могли бы Вы подробнее прокомментировать, как сложился такой взгляд?

У каждого произведения должна быть определенная структура и ритм повествования. Только тогда искусство будет действенным. Мне кажется, можно провести аналогию между нашей жизнью и произведениями искусства, которые обязаны иметь структуру, ритм, не говоря уже о ясных идейных и ценностных ориентирах. Особенно ясно я осознала это, когда вышла замуж второй раз, за очень сильно любимого человека – Григория⁷. С ним я поняла, что каждый день – особенный, ибо приносит что-то новое, открывает возможности для творения своей жизни. Очень важно ощутить жизненный ритм и не затягивать события или процессы (как часто бывает в фильмах и спектаклях). Иными словами, жить надо творчески.

Могу привести такой пример... Мы не были богаты, но нам хотелось подарить друг другу весь мир. Увидев новое здание, интересную картину, пейзаж, цветов, прочитав хорошую книгу, мы говорили друг другу: «Дарю!» Ясное дело, такие подарки никакого материального воплощения не имели, но они позволяли прикоснуться к красоте, наполнить существование смыслом.

Это может прозвучать нравоучительно, но жизнь должна быть чистой. Не надо замутнять ее ни алкоголем, ни компромиссами. А дальше уже можно продлить нашу аналогию. Опыт, о котором я сейчас рассказала, позволил мне понять, что жить – тоже искусство, жизни тоже требуется смысл, тема и ритм.

Могу нескромно похвастаться посвящением, которое написал мне профессор Зигмунт Бауман на своей книге «Искусство жизни» (“The Art of Life”): «Ирене, великому мастеру жизни»⁸. Мне это посвящение чрезвычайно дорого.

Вы театровед, так что в разговорах мы неизбежно будем обращаться к театральной сфере. Но театр будет в них и важной метафорой... Осмелюсь утверждать, что Ваша жизнь в 20 веке разворачивалась в театре ужасов, абсурда, метафоры.

Последняя метафора несколько натянута, хотя, как писал Шекспир в «Макбете»:

Жизнь – это только тень, комедиант,
Паясничавший полчаса на сцене
И тут же позабытый; это повесть,
Которую пересказал дурак:
В ней много слов и страсти, нет лишь смысла.

---

⁷ Имеется в виду эстонский режиссер театра и кино Григорий Кроманов (1926–1984). Подробнее о нем см. в Разговоре XII.

⁸ Zygmunt Bauman, *The Art of Life*. Cambridge: Polity, 2008. Зигмунт Бауман (1925–2017) – польский социолог и философ.

(Пер. Ю. Корнеева)

С другой стороны, театр в моей жизни выражался в весьма разнообразных формах. С раннего детства я мечтала стать певицей. У нас дома было много пластинок, среди них Федор Шаляпин и Амелита Галли-Курчи, Энрико Карузо и Йозеф Шмидт, Кипрас Петраускас и другие знаменитые исполнители⁹. Когда в Каунасе выступали выдающиеся музыканты, такие, как Давид Ойстрах или Эмиль Гиллельс¹⁰, родители брали меня на концерт. Была и на концерте Шаляпина, кажется, в 1934 году¹¹.

Так что мир искусства мне был не чужд, и, как уже сказано, я мечтала стать певицей. Увы, Бог не дал мне хорошего слуха. Спасибо родителям – они наняли учительницу, и с ее помощью мой слух улучшился, но лет в десять все же пришлось принять «тяжелое» решение: «Ладно, не певицей, но уж актрисой точно стану!» Должна признаться, амбиций у меня тогда было хоть отбавляй. В школе каждый год ставили спектакль, и я всегда стремилась получить там главную роль! А если не удавалось – очень переживала... Мое упрямство и юношеский максимализм хорошо иллюстрирует еще один пример – однажды я заявила родителям: «Если не стану ни певицей, ни актрисой – покончу с собой!»

Мне, конечно, очень нравилось ходить в театр и в кино. Первый спектакль, который я увидела, был „Atzalynas“ («Поросль») по Казису Бинкису. Живо помню свой восторг. Правда, с течением времени сюжет поблек в памяти, осталось только общее ощущение и, наверное, образ исполнительницы главной роли, актрисы Ванды Лиетувайтите. Когда совсем недавно я увидела «Поросль» в постановке Йонаса Вайткуса, было очень приятно почувствовать, как пробуждаются воспоминания¹².

И в оперу мы с родителями ходили. Я восхищалась Кипрасом Петраускасом. Помню, как в Каунас прибыли на гастроли Валерия Барсова и Мария Максакова¹³. Советская Россия посылала за границу артистов, которые могли представлять ее культуру и таким образом делать рекламу стране.

Такие встречи с великим искусством меня, несмотря на юный возраст, искренне волновали.

После войны, когда я училась в Москве, тоже интенсивно интересовалась местной театральной и музыкальной сценой. Старалась не пропускать ни одного концерта Ойстраха, Гиллельса, Софроницкого, Генриха Нейгауза, а особенно – Святослава Рихтера¹⁴. Они мне невероятно много дали. Кроме того, я наострилась без билета проникать на дорогие концерты и даже проводить друзей.

---

⁹ Ф.И. Шаляпин (1873–1938) – русский оперный певец, бас. Амелита Галли-Курчи (1882–1963) – итальянская оперная певица, сопрано. Энрико Карузо (1873–1921) – итальянский оперный певец, тенор. Йозеф Шмидт (1904–1942) – еврейский оперный певец (родился в Буковине, на территории Австро-Венгрии), тенор. Кипрас Петраускас (1885–1968) – литовский оперный певец, тенор.

¹⁰ Давид Ойстрах (1882–1963) – скрипач. Эмиль Гиллельс (1916–1985) – пианист.

¹¹ Федор Шаляпин пригласил с Кипрасом Петраускасом. Благодаря этой дружбе в 1934 году прошли гастроли Шаляпина в Каунасе, на которых он исполнил партию Мефистофеля в опере Ш. Гуно «Фауст».

¹² Пьеса «Поросль» была написана Казисом Бинкисом в 1938 году. В том же году прошла премьера спектакля по этой пьесе в Каунасском государственном театре (режиссер Борис Даугувегис). В центре сюжета – несправедливо обвиненный юноша, который, несмотря на все невзгоды и осуждение окружающих, не отказывается от своих идей и ценностей. Пьеса была очень популярна в 1940-е годы, спектакли по ней шли в Паневежском, Каунасском, Шяуляйском театрах. Было также множество любительских постановок. В 2013 г. режиссер Йонас Вайткус поставил «Поросль» в Литовском Национальном театре драмы (премьера – 8 октября). Ванда Лиетувайтите-Каунайткене, Станяйткене (1910–1977) – актриса литовского театра и кино.

¹³ Валерия Барсова (1892–1967) – оперная певица, сопрано. Мария Максакова (1902–1974) – оперная певица, меццо-сопрано.

¹⁴ Владимир Софроницкий (1901–1961) – пианист. Генрих Нейгауз – пианист и педагог. Святослав Рихтер (1915–1997) – пианист.

Мы, например, скидывались вчетвером на один билет, я показывала его контролерше, спрашивала ее о чем-то, а друзья мои в этот момент проскальзывали в зал. Я никогда не раскисала в этом обмане, наоборот, гордилась. Мы же никому не мешали, даже свободных мест никогда не занимали. Как погаснет свет, садились на ступеньки.

Тот же метод я пыталась применять в театрах. Не всегда удавалось, приходилось покупать входные или просто самые дешевые билеты. Сидя на спектаклях МХАТа, я и подумать не могла, что моя жизнь будет так тесно связана с театром¹⁵. Училась-то я на германистике.

Вернувшись в Литву, уже в Педагогическом институте, я вновь обратилась к театру, работая над книгой Бертольда Брехта «Мамаша Кураж»¹⁶. Меня заинтересовал его совершенно отличный от Константина Станиславского¹⁷ взгляд на специфику театрального представления. Брехту важно было не отразить реальность, а изменить ее. Он создавал так называемый «эпический театр», который должен был стать для зрителя «школой жизни», заставить его не переживать, а думать. Все это было ново и заинтриговало меня.

В Педагогическом институте мне довелось работать на одной кафедре с театроведом и прекрасным шекспироведом Довидасом Юделявичюсом¹⁸. Мы были близкими друзьями. Он всячески поощрял мое увлечение театром, помогал сориентироваться в театральном мире. За это я ему всегда благодарна.

Говоря о своем отношении к театру, не хотелось бы пускаться в интеллектуальные рассуждения. Скажу одно: до сих пор, приходя в театр, я ощущаю то же, что и в детстве, – ожидание чуда: вот поднимется занавес и начнется сценическое действие. Хотя занавес в театре уже давно не используется или используется редко...

Это ожидание чуда, конечно, не всегда сбывается.

Театр был тем местом, где я могла размышлять о жизни, человеке, творчестве.

Теперь хотелось бы приступить к контурам Вашей биографии. Начнем с деда по материнской линии, Хиеля Штрома (Штромаса), как Вы сами его назвали, молочника из Бабтай, и бабушки – Хая Кац-Штром (Штромене), на чьих плечах (опять же по Вашим словам) держался дом, все четыре угла. Еврей-крестьяне – не самая традиционная ситуация...¹⁹

Здесь очень важно помнить, что нормальное общение с бабушкой и дедушкой оборвалось для меня в тринадцать лет. Так что многое из того, что сохранилось в памяти, сформировано детскими впечатлениями. Некую возможность по-новому познакомиться с ними дала мне книга моего двоюродного брата Вальдемара Гинзбурга «И Каунас плакал»²⁰. Но об этой книге поговорим позже. Вспоминая деда, могу сказать, что меня сразу захлестывает волна его невероятной доброты. Он прямо светился изнутри. Глаза у него были голубые, а волосы светлые, правда, я помню его уже седым... Меня восхищало в нем отсутствие фанатизма. Что касается бабушки, она строго соблюдала кошер²¹. У нас дома кошер не соблюдался, и дедушке нельзя

¹⁵ Московский Художественный академический театр, основан в 1898 г. К. Станиславским и В. Немировичем-Данченко.

¹⁶ Эуген Бертольд Фридрих Брехт (1898–1956) – немецкий поэт, драматург и театральный режиссер, один из основоположников современного театра. Статью Ирены Вейсайте «Бертольд Брехт – создатель театра мысли» (на литовском языке) см. в кн.: *Motusé Kuraz: pjesés/B. Brechtas*, Vilnius: Vaga, 1964.

¹⁷ К.С. Станиславский (наст. фамилия Алексеев, 1910–1977) – режиссер, создатель собственной системы актерской подготовки, в основе которой лежит разделение актерской игры на три технологии: ремесло, представление и переживание.

¹⁸ Довидас Юделявичюс – литовский литературовед, театровед, переводчик.

¹⁹ Хиель Штромас (ок. 1860/70–1944) – молочник, дедушка Ирены Вейсайте со стороны матери. Хая Кац-Штромене (ок. 1870–1942) – домохозяйка, бабушка Ирены Вейсайте со стороны матери.

²⁰ Двоюродный брат Ирены Вейсайте Вальдемар (Вэл) Гинзбург (1922–2011) – единственный из семьи в 14 человек, кому удалось спастись в годы Холокоста. Он эмигрировал в Англию и описал свой жизненный опыт в книге «И Каунас плакал» (*And Kovno Wepr: The Holocaust Centre*, 1998), выпущенной также по-литовски (*Ginsburg Waldemar, ... ir Kaunas verké: [prisiminimai]*, Vilnius: Zydu kultūros ir informacijos centras, 2010).

²¹ Еврейское слово «кошер» означает «годный, чистый» (ивр. «кашер»). Применяется ко всему, изготовленному по Галахе (Закону).

было у нас есть. Несмотря на это, он кое-что съедал и просил меня, чтоб я не говорила бабушке. Мне это очень нравилось. У нас были свои секреты.

Дедушка часто к нам приходил. Тепло и уют в моем детстве создавали прежде всего бабушка с бабушкой, особенно дед.

Религиозные праздники у нас дома не справляли, хотя родители учили меня уважать верования и обычаи других людей. Поэтому мне особенно запомнились Пейсах и Ханука²², когда мы с двоюродными братьями Аликом и Лёвинькой Штротомасами ходили к бабушке с бабушкой²³. Взрослые сидели за столом, а мы баловались под столом и выдумывали всякие проказы.

Эти чудесные праздники – едва ли не единственное, что связывает меня с еврейской религиозной традицией. Я узнала о них только благодаря бабушке, но всегда знала, что я еврейка.

Помню поездку с родителями в Берлин в 1938 году. Мы, со своими литовскими паспортами, евреями не считались. Поселились на Курфюрстендамм – одной из известнейших берлинских улиц. До сих пор помню, какие вкусные свежие булочки с абрикосовым джемом подавали на завтрак... Но помню и другое, о чем хотелось бы сказать, раз уж речь зашла о моем отношении к еврейству. Однажды папа повел меня на Унтер-ден-Линден, главный берлинский бульвар, где были обычные скамейки и желтые. Евреи, как вы, должно быть, догадались, могли сидеть только на желтых. Я отлично помню, как мы с папой сели на такую скамеечку, и папа сказал: «Я хочу, чтоб ты знала, что в Германии евреи – на особом положении, они изгой. Мы тоже евреи. Мы, конечно, не обязаны здесь сидеть, мы граждане Литвы. Но ты должна понять, какое это чувство – быть изгоем». Этим экскурсом в прошлое я хочу показать, что мои родители прекрасно понимали, кто они, и никогда не пытались отказаться от своей национальной принадлежности или отрицать ее. Но еврейских обычаев и традиций не соблюдали, и знакома я с ними только благодаря дедам.

Вспоминая бабушку с бабушкой, должна сказать, что здоровья бабушка была весьма слабого, хотя, если можно так выразиться, контролировала ситуацию. Дедушка ее побаивался. Он любил пофилософствовать, помечтать... А все практические вопросы в семье решала бабушка. У них было десять детей, из которых на момент моего появления на свете в живых осталось пятеро. Уже на моей памяти умерли еще двое маминых братьев. В конце концов от всей большой семьи осталась только тетя Паулина, мать упоминавшегося уже Вальдемара Гинзбурга²⁴. Но и она погибла во время войны, пытаясь помочь другому человеку. Их везли на пароходе из Штуттгофа в Германию. На палубе рядом с ней женщина подняла окуроч, брошенный охранником. Заметив это, эсэсовец хотел скинуть бедную женщину в море. Тетя попыталась вступить за нее, она ведь знала немецкий. Смягчить сердце эсэсовца не удалось. Только вместо той женщины он выкинул за борт мою тетю, и она утонула.

Судьба бабушки с бабушкой такова... Бабушка умерла в гетто, скорее всего от инсульта. Однажды ранним утром 1942 года мы нашли ее мертвой и похоронили в гетто. А дедушка потом попал в концлагерь Шанчжай²⁵, во время «акции стариков и детей» 26–27 марта 1944 года был отправлен в IX форт и там убит.

---

²² В повседневной речи Песах – праздник в честь исхода евреев из Египта, нередко совпадающий с католической Пасхой – иногда называют «еврейской Пасхой». Ханука – восьмидневный праздник в честь победы Маккавеев над царем Сирии Антиохом IV Епифаном, который пытался заставить евреев поклоняться греческим богам и воздвиг в Иерусалимском Храме собственную статую. Дата устанавливается по лунному календарю в ноябре или декабре.

²³ Александрас Штротмас (1931–1999) – правозащитник, политолог. Двоюродный брат Ирены Вейсайте. Интеллектуальный портрет А. Штротмаса создан Леонидом Донским в кн.: *Identity and Freedom: Mapping Nationalism and Social Criticism in Twentieth-Century Lithuania*, London and New York: Routledge, 2002; *Tapatybė ir laisvė: trys intelektualiniai portretai*, Vilnius: Versus aureus, 2005. Лёва (Лёвинька) Штротмас (ум. 28 октября 1941) – двоюродный брат Ирены Вейсайте.

²⁴ Полина (Поля) Гинзбург-Гарзон (1910–1944) – бухгалтер, тетя Ирены Вейсайте.

²⁵ Осенью 1943 г. часть (ок. 4000) узников Каунасского гетто была переведена на работы в лагеря в Шанчжай и Алексотасе.

Вы говорили, что родителей отца – Лазаря Вейса и Анюту Штейн-Вейс – не знали²⁶. Однако, может быть, Вам что-то рассказывал о них отец, Изидорюс Вейсас?

Могу показать фотографию деда с отцовской стороны. Лицо, как видите, очень интеллигентное. Я действительно не знала его, он умер в Каунасе в 1926 году, еще до моего рождения. Бабушку, папину мать, я тоже не знала. После смерти мужа она уехала в Москву, где жили двое ее сыновей и две дочери. Умерла в 1931 году.

Так что все, что я знаю о них – с чужих слов. Дед в царские времена был преуспевающим купцом второй гильдии²⁷. До Первой мировой войны проживал в Гродно, потом перебрался в Каунас. Там ему принадлежала лотерея Красного Креста. Это дело перешло по наследству к моему отцу, ведь все другие братья и сестры жили в Москве, и определило его карьеру в межвоенные годы: долгое время он, совместно с маминым братом Юргисом Штротомасом²⁸, был директором Главного государственного лотерейного агентства.

И все же что я могу сказать о своем деду по отцу? Он был человек организованный, умел устроить свою жизнь. Заботился о детях, всем им создал условия для получения университетского образования. Однако все дети Лазаря Вейса перед Первой мировой войной примкнули к революционерам. Так что деду приходилось постоянно иметь дело с царской охранкой, наверное, давать взятки, ведь детей забирали, сажали, надо было выручать. Спасая младшего сына (моего отца) от революционной заразы, дед услал его учиться в Германию. Так отец очутился в Гамбурге, где учился в гимназии. Но началась Первая мировая, и папе пришлось вернуться домой. До Литвы он доехал с большими трудностями – много дней шел пешком. Чудом остался в живых, когда русские солдаты поймали его и хотели расстрелять как немецкого шпиона. Деталей инцидента не знаю, но, слава Богу, его отпустили.

Вспоминая отца, вынуждена повторить банальную истину, с которой, увы, сталкиваются многие. Как правило, интересоваться историей семьи мы начинаем, когда уже некого спросить.

А как познакомились Ваши родители?

Насколько я знаю, мама Софья работала в принадлежавшем отцу лотерейном агентстве. Сохранилась фотография, на которой запечатлена мама в конторе среди других служащих. Отец в нее влюбился. Но мама уже была обручена с инженером Теди Блюменталем, жившим в Париже. Его мечтам жениться на маме мешали весьма приземленные причины – господин Блюменталь никак не мог найти работу. А в те времена, как известно, считалось, что мужчина не может создавать семью, пока не обретет твердой финансовой почвы под ногами.

А папа тем временем упорно добивался маминого расположения. Выйдет она из дому погулять, а ее встречает извозчик на дрожках, готовый куда-нибудь отвезти. Папа постоянно посылал ей букеты самых разнообразных и дорогих цветов.

Пойдет мама в магазин, а ей говорят, что все ее покупки заранее оплачены поклонником. Мама сказала папе, что ей неприятно, что он так швыряется деньгами.

Тогда отец при ней швырнул в камин толстую пачку денег, пытаясь тем самым показать свое равнодушие к финансовому благополучию. Это был эксцентричный жест, хотя вообще отец был человеком разумным, рациональным и сдержанным. При этом мужчиной краси-

---

²⁶ Лазарь Вейс (ум. 1926) – предприниматель, дедушка Ирены Вейсайте со стороны отца. Анюта Штейн-Вейс (ум. 1931) – домохозяйка, бабушка Ирены Вейсайте со стороны отца.

²⁷ Правила, допускающие вступление евреев в одну из трех купеческих гильдий, были установлены в Российской империи в 1775 году. Согласно положению 1824 г., к 3-й гильдии принадлежали купцы с капиталом не менее 8000 рублей, ко 2-й – не менее 20000, к 1-й – не менее 50000 рублей. В 1863 в положение были внесены изменения, купечество России было поделено на две гильдии. Первой гильдии разрешалось торговать оптом и в розницу любыми товарами без финансовых ограничений. Купцы второй гильдии могли заниматься розничной торговлей в ограниченном объеме (до 15000 рублей).

²⁸ Юргис Штротомас (1894–1941) – дипломат, предприниматель, отец Александраса Штротомаса и дядя Ирены Вейсайте.

вым, элегантным и, что греха таить, обеспеченным. По тогдашним меркам, жених хоть куда. Бабушка всячески уговаривала маму выйти за него. Не отставали и другие члены семьи, советуя «выбрать подходящую партию».

В конце концов через три года мама приняла решение и сказала «да». Помню, у нее в альбоме была открытка, которую, узнав о ее замужестве, прислал господин Блюменталь. На фотографии этой были только его глаза, очень печальные. Было еще что-то написано...

Вспоминая маму, должна сказать, что она пользовалась успехом у мужчин.

Вы говорили о родителях: «Они были европейцами».

Как я уже сказала – родители уважали традиции, но не соблюдали их. Отношения родителей с европейской культурой можно описать по-разному. Одевались они не как евреи, а как европейцы. Воспитание получили светское, знали много языков. Папа, правда, нигде не учился. О таких людях англичане говорят “self-made man”. Мама же окончила в Берлине Высшее торговое училище (Handelshochschule), где обучалась экономике. В 1930 году поступила в Университет Виттаутаса Великого на факультет права. Окончив три курса, бросила учебу и диплома не получила. Уже после войны я говорила с ее однокурсниками. Они вспоминали маму как очень способную студентку.

Какой была атмосфера в доме?

Мы не были типично еврейской семьей, не придерживались традиций, были открыты миру... Оба родителя очень заботились обо мне, уделяли мне много внимания, но атмосфера в семье никогда не была особенно хорошей. И я это ясно чувствовала. Эмоциональное тепло давали мне бабушка с дедом и тетя Аннушка, которая жила на ул. Донелайтиса в доме, кажется, под номером шестнадцать, и держала там продуктовую лавочку, куда я обожала приходить. Тетя Аннушка любила меня и всячески баловала. Это был очень умный и теплый человек.

Тем временем в семье у нас были явные разногласия между родителями. Одно из самых теплых воспоминаний моего детства (лет пять или шесть) – прогулка по Лайсвес-аллее. Я была так счастлива, что со мной идут оба: и мама, и папа!.. Из эмоции этой ясно одно: событие для нашей семьи неординарное. Кроме того, родители много времени проводили за границей, а со мной в это время были гувернантки.

Помню, как-то раз, еще совсем маленькая, лет пяти, я явилась в родительскую спальню, уселась посреди двуспальной кровати и говорю: «Не хочу, чтобы вы ссорились и разводились. Я очень этого боюсь». Видимо, было предчувствие, что это возможно.

Большую роль в моем воспитании сыграл отец. Приведу несколько примеров, хоть и понимаю, что сегодня они могут показаться жестковатыми и даже кого-то шокировать... Вот идем мы с папой гулять, и он говорит: «ИрUTE, не считай ворон, наткнешься на что-нибудь!» А я была ребенком чрезвычайно упрямым и не всегда обращала внимание на папины замечания и просьбы. По этой причине на папино замечание я внимания не обратила, а он не предупредил, что сейчас я ударюсь об столб. Засмотрелась на небо и больно ушиблась. Папа меня не ругал, отвел в аптеку Бельского (возле театра Оперы и балета). Там мне помазали лекарством разбитый лоб и заклеили ранку пластырем. Так я получила ощутимый урок. Другой пример. Я ужасно любила шоколад. Родители, конечно, пытались ограничить мои аппетиты, а я постоянно стремилась их запреты обойти. Однажды папа, к маминому ужасу, принес килограмм шоколада и говорит: «Ешь сколько хочешь!» Я съела всё, и стало мне плохо. Когда полегчало, был разговор с папой.

Другая ситуация. Я терпеть не могла рассольник и всячески старалась от него отвертеться. Однажды за обедом папа говорит: «Ты, наверно, не голодная, раз супа не ешь. Так что можешь идти к себе». Так и закончился мой обед, не начавшись. А вечером меня ждал все тот же суп. Его же предложили мне наутро, пока я, хорошенько не проголодавшись, его не съела.

Меня никогда не ругали и не били. Однажды подарили на день рождения куклу, которая умела хлопать глазами. Кто-то из моих подружек хотел поиграть с этой куклой, а я не дала. Папа сказал: «Девочка у тебя в гостях, ты должна дать ей куклу, а потом уже играть сама». Я не отреагировала. Тогда папа сам взял куклу и дал той девочке. Я разревелась, меня увели в другую комнату. Когда успокоилась, папа пришел опять и объяснил: «Ты должна уважать свою гостью, поэтому я и попросил дать ей куклу». И только когда охватившие меня эмоции улеглись, мне позволено было вернуться к гостям.

Таким образом мне спокойно объясняли, как себя вести и почему. И, как я уже говорила, никогда не кричали.

Воспитывая меня, папа старался, чтобы я не злоупотребляла своим происхождением из зажиточной семьи и не выделялась среди других детей. Поэтому никто меня в школу на машине не возил, и в кино я должна была покупать не самые дорогие билеты. Это правило распространялось и на театр. Без родителей я всегда сидела там на галерке.

По сей день я благодарна родителям за эти уроки.

Были и другие эпизоды. Когда мы отдыхали на море, папа посадил меня на плечи и уплыл далеко-далеко. Он был прекрасный пловец.

Можете себе представить, как я была счастлива! Так что, несмотря на все уроки, зачастую болезненные, я папу любила и даже обожала.

Увы, родители расстались. Это произошло в 1938 году. Величайшая трагедия моего детства.

Я же слышала все их ночные разговоры, ведь перед разводом папа перебрался в кабинет. А кабинет был рядом с моей комнатой. Эти разговоры меня бесконечно ранили. Помню, были мгновения, когда я собиралась его убить! Тогда мне казалось, что папа оскорбляет маму.

После развода папа уехал из Литвы. Правда, один раз еще вернулся, в 1939-м году, очень ненадолго. Я болела скарлатиной. Помню, подошел к моей кровати... И после этого мы не виделись тридцать лет.

Покинув Литву, отец женился на немке по имени Мэри. При разводе было решено, что лето я буду проводить с папой, а все остальное время – с мамой в Литве. Летом 1938 года папа увез меня в Европу. Мы много путешествовали. Мой рассказ о желтой скамейке – из впечатлений того лета. За это путешествие мы побывали в Германии, Швейцарии, Бельгии и Франции.

В Швейцарии меня поселили в пансионате, в курортном городке Ароза. Папа со своей будущей женой разместился в гостинице в Энгадине. Но я не хотела жить в пансионате, я хотела с папой. Так что я собрала свои пожитки в узелок, пошла на вокзал, приехала в Энгадин и сообщила: «Я в Арозе жить не буду!»

Папа сразу уступил – он снял мне комнату в той же гостинице, где жил сам; мне нашли няню в Энгадине, и я наконец познакомилась с его будущей женой. Правда, я уже знала о папиных планах завести новую семью. Он мне об этом уже рассказывал. Я тогда спросила его, собирается ли он заводить детей. Он ответил, что нет, и я успокоилась. Правда, не до конца. Мне тогда было десять лет, и, глядя на Мэри, я испытывала некоторые сомнения. Отцовская избранница была весьма рафинированной дамой и очень заботилась о своей внешности.

Желая развеять свою тревогу и сомнения, я однажды утром пришла в комнату к Мэри и говорю: «У меня к вам несколько вопросов. Вы любите моего отца?» Она отвечает: «да». Тогда я задала другой вопрос: «А вы будете любить его, если он перестанет быть богатым?» Опять отвечает: «да».

Услышав это, я сказала: «Тогда все в порядке, я спокойна», – и вернулась в свою комнату.

Помню, на отдыхе в Швейцарии папа купил мне очень красивое платье, и на одной вечеринке меня, впервые в жизни, пригласили танцевать. Почему это так запомнилось? Папа считал, что негоже выделяться среди ровесниц, и мне не покупали никакой особенной одежды. По

этой причине папин подарок – белое платье исключительной красоты, на голубой шелковой подкладке – я помню до сих пор. Особенно взволновало меня, что господин, пригласивший меня, десятилетнюю, на танец, поцеловал мне руку. Тогда я была уверена, что все дело в платье.

Когда началась война, папа со своей второй женой жил в Бельгии, в Брюсселе. У него был паспорт литовского гражданина, где не указывалась ни национальность, ни религия. Никто его не выдал, и самому ему удалось не привлечь к себе внимания, так что он благополучно пережил немецкую оккупацию.

В 1951 году отец решил уехать в США. Не знаю, каково было его финансовое положение, ведь большую часть своего состояния, оставшегося в Литве, он потерял.

Добравшись до США, папа с Мэри поехали в Калифорнию и поселились в Лос-Анджелесе. Там, на склонах Сан-Фернандо, он основал птицеферму, при этом пару лет внимательно изучал в местном университете²⁹ основы разведения кур. Выращенные им куры несли яйца высочайшего качества.

Жене не захотелось фермерской жизни, и она ушла от моего отца. После развода он вынужден был выплатить ей огромную компенсацию.

Позднее он рассказывал мне, что работа на ферме была самым счастливым временем в его жизни: ему никогда не нравилось быть бизнесменом.

Когда я приехала навестить папу (в 1968 году), он уже был после тяжелого инфаркта и ферму продал. Поэтому, чтобы показать, как все это происходило, он повел меня к знакомому фермеру. Он сказал, что, наблюдая поведение кур, понял о людях больше, чем можно себе представить. Особенно запомнилась такая деталь: если пересадить курицу в чужую клетку, ее заклюют...

Умер отец в 1973 году в США.

Близкий родственник за границей мог стать для советского человека источником серьезных неприятностей. Как Вам удалось избежать их?

Не удалось. Помимо прочих «грехов», это была одна из причин, по которым меня в 1948 году собрались выгнать из Вильнюсского университета. Предупредили друзья. Тогда я и уехала в Москву. Бежала, в том числе, и от преследований госбезопасности³⁰.

Я была хорошей студенткой. На последнем курсе Московского университета мне собирались дать «сталинскую» стипендию. Для ее получения надо было заполнить анкету, требующую разных биографических данных. Когда я заполнила ее, вопрос о «сталинской» стипендии отпал сам собой. Более того, отобрали и «лермонтовскую» стипендию, которую я получала, насколько помню, с 3-го курса.

Отец перестал мне писать с 1949 года. Связь прервалась, и я ничего о нем не знала. Он так решил, посчитав, что эта переписка может быть для меня опасной. Между прочим, после войны он прислал мне дюжину пар шелковых чулок. Большую часть я раздала девчонкам (нас было семь подруг), еще одну пару подарила опекавшей меня старшей подруге, и тут сработал известный русский принцип: «Ни одно доброе дело не остается безнаказанным». Иными словами – по Вильнюсу поползли слухи о моем сказочном богатстве. И это мне потом аукнулось...

Что Вы имеете в виду? Что случилось?

Шелковые женские чулки были после войны огромной редкостью. Поэтому, когда я раздала их, оставив себе всего две пары, это укрепило слухи, что я «из буржуев». А тут уж рукой подать до потенциального врага народа...

---

²⁹ Имеется в виду University of California, Los Angeles – Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе.

³⁰ Подробнее об этом эпизоде – в Разговоре III.

А как Вам удалось съездить к отцу в США?

Мой отец был так называемым салонным коммунистом. По крайней мере так его называли. Жил он, по советской терминологии, как буржуй, но сочувствовал идеям коммунистов насчет равенства и со своим врожденным чувством справедливости хотел помогать тем, кого в сметоновской Литве притесняли, преследовали, сажали³¹. Знаю, что отец регулярно поддерживал МОПР³². Однажды у нас дома появился и некоторое время жил Антанас Снечкус³³. Мне его тогда представили как двоюродного брата Пятраса Цвирки³⁴.

После войны я и сама познакомилась со Снечкусом. Ведь, когда окончилась война, он принял в семью моего двоюродного брата Александраса Штромаса, спасенного в Вилиямполе семьей Маценавичюсов³⁵. Когда в Каунас вошла Красная армия, Александрас побежал в гетто посмотреть: вдруг кто-то остался жив? Конечно, ему открылся ужасный вид: горящие дома, развалины, валяющиеся трупы и ни одной живой души... Там Алик и столкнулся со Снечкусом, который тоже пришел осмотреть территорию гетто. Снечкус разговорился с ним, а когда оказалось, что это сын Юргиса Штромаса (а он тоже поддерживал связи с левыми и платил взносы в МОПР), сказал: «Пошли, будешь жить у меня!» Так Алик оказался у Снечкусов.

Благодаря Алику я ближе познакомилась со Снечкусом и его семьей.

Не забыл Снечкус и моего отца. Когда папино здоровье пошатнулось, в 1968 и 1971 годах он помогал мне с выездом в США. Он поручился за меня, что не уеду, и КГБ не трогал меня – когда я уезжала, не было никаких предложений о сотрудничестве, о наблюдении за кем-то, а по возвращении не заставляли писать никаких отчетов.

Расскажите о поездке.

Знакомство с Америкой было, как говорят англичане, “a lifetime event” – событием всей жизни. Пять месяцев я пробыла в США, еще месяц – в Великобритании, где жили моя двоюродная сестра и старший двоюродный брат Вальдемар Гинзбург. Возвращалась в Вильнюс через Париж, где как раз вспыхнули студенческие беспорядки.

Поездка к папе в Америку потрясла меня, открыла мне глаза, заставила многое, очень многое пересмотреть, по-новому понять. И, наверное, самое дорогое – я ощутила вкус СВОБОДЫ. Меня восхищало, как там люди одеваются, ходят, танцуют, без стеснения выражают свои мысли, дискутируют. Помню разговор с американской университетской молодежью о разнице между словами “Fun” и “Joy”. Там же то и дело слышалось: “have fun”, “take it easy” и т.п. Я пыталась объяснить им, что “fun” – кратковременное развлечение, а настоящую радость может принести и с трудом исполненный долг... Обо всем можно было говорить открыто. Хотя должна сказать, что сама я, опасаясь стукачей, часто избегала политических дискуссий в незнакомой компании. Полностью отмахнуться от тени КГБ не удавалось.

Пытаюсь представить себе Ваши впечатления...

Свобода чувствовалась во всем. С другой стороны, во время путешествия я заметила, что американцы особенно ценят свое материальное благосостояние, гордятся им. Многие показы-

---

³¹ Термин «сметоновская Литва» связан с Антанасом Сметоной. А. Сметона (1874–1944) – влиятельнейший литовский политик межвоенной эпохи, первый президент Литвы (1919–1920), один из руководителей военного переворота 17 декабря 1926 г. В день переворота был избран президентом Литовской республики и пробыл на этом посту до 15 июня 1940 г.

³² МОПР – международная организация по поддержке революционеров, организованная в 1922 г. по решению 4-го конгресса Коминтерна; была призвана выполнять роль, аналогичную Красному Кресту. В 1924 г. секции МОПРа существовали в 19 странах. Советская секция действовала до 1947 г.

³³ Антанас Снечкус (1903–1974) – партийный и политический деятель советской Литвы, в 1940–1974 гг. Первый секретарь Компартии Литвы и фактически руководитель страны.

³⁴ Пятрас Цвирка (1909–1947) – литовский писатель.

³⁵ Жившая в пригороде Каунаса Вилиямполе семья Марии и Антанаса Маценавичюсов укрывала Александраса Штромаса в 1943–1944 гг.

вали мне свои дома, как правило, просторные, роскошно обставленные и всесторонне ухоженные. Я должна была осматривать не только кухни, гостиные и спальни, но и туалеты. Как вы знаете, в шикарно обставленном доме при каждой спальне – отдельный туалет и ванная...

В конце концов мне эти экскурсии надоели. Я вспоминала наши хрущевки. Однажды вежливо поблагодарила и сказала, что во все туалеты меня водить не обязательно, в случае надобности достаточно будет одного. Представляю себе, что подумали обо мне эти американцы...

Между прочим, путешествуя по Штатам, я плакала три раза.

Первый раз я залилась слезами в книжном магазине. При виде такого обилия книг, предлагавших абсолютно новую, недоступную дома информацию, я сильно расстроилась. Сколько всего отняла у меня советская власть, просто украли! А ведь все эти книги и высказанные в них мысли принадлежали и мне!

Второй раз разревелась в обувном. У меня плоскостопие, и я всегда страдала от плохой обуви. И все подруги мои страдали.

Папа выдал мне шесть тысяч долларов, чтобы я распорядилась ими по своему усмотрению. Помню, что накупила туфель не только себе, но и подругам.

Третий раз я плакала в кабинете стоматолога. Там я внезапно поняла, что лечить зубы можно без той кошмарной боли, которой сопровождался этот процесс в советской поликлинике. Одно только слово «бормашина» уже наводило ужас.

И еще один аспект, связанный с моим путешествием. Еще в Штатах я стала обдумывать, как рассказывать о своих впечатлениях по возвращении в Литву. Ясно, что с близкими друзьями можно быть откровенной, а вот чужим, посторонним, тем более если они из «органов», что им можно рассказывать? Это была настоящая головная боль. Что можно рассказывать о своих американских впечатлениях, чтобы все эти «уши» ко мне не прицепились?

Наконец я нашла выход. Буду говорить о калориях и диетах! Так я стала «специалисткой» по похудению и подсчету калорий. В то время такие вещи, очень популярные в США, были совершенно неизвестны в Литве.

По поводу возвращения я устроила у себя вечеринку, кажется, это был мой день рождения. Угощала всех еще не известным в Литве коктейлем “screwdriver”, или «отверткой», состав которого теперь назовет каждый: водка с апельсиновым соком. Я тогда любила шутить, что “screwdriver” – прямой путь к счастью: если тебе плохо, выпей на голодный желудок один коктейль, и тебя «развинтит». К каждому блюду прилагалась записка о том, сколько в нем калорий.

Мы, конечно, превысили все нормы... Но было очень весело.

Вам, наверное, сейчас трудно себе это представить, но, возвращаясь из Штатов, я тащила в чемоданах не только книги и ботинки, но также и хозяйственные и прочие товары, которых было не купить в Литве. В том числе два литра апельсинового сока. Сок этот, понятное дело, предназначался для изготовления вышеупомянутого коктейля “screwdriver”. Я никому не сказала, что сок разбавлен водкой. Правда, соотношение водки и сока было весьма гуманным, ни у кого не начали заплетаться ни ноги, ни язык, но все моментально расслабились...

Как я уже сказала, к каждому именинному блюду прилагалась записка с количеством калорий в пересчете на одну порцию. Кроме того, я прочла гостям краткую лекцию о том, сколько калорий потреблять в день, чтобы правильно питаться и при необходимости похудеть.

Так что все пили «отвертку», ели, теперь уже прекрасно понимая, что превышают норму калорий, и беседовали о похудении. Так я представляла друзьям свою поездку в США. Наверное, это был самый веселый мой день рождения...

Конечно, не всегда и далеко не со всеми я говорила в связи с этой поездкой только о еде и калориях. Но если в нашей компании оказывался хотя бы один, в ком я не была окончательно уверена – всех сразу предупреждала: «Сегодня без откровений!»

Ну и еще одна деталь, которая может сейчас показаться трагикомической: говоря о вещах, не предназначенных для посторонних ушей, мы всегда закрывали телефон подушкой.

Такие незначительные на первый взгляд детали, как ничто другое, помогают понять советскую эпоху и самочувствие человека в ней. Слушая Ваш рассказ, я то и дело думаю: «Как хорошо, что все это кончилось!»

Могу только согласиться. Я сама невероятно рада, что живу в свободном обществе, в свободной Литве.

И еще с одной точки зрения важной была поездка в США. Я выучила английский. До того я говорила по-русски, по-немецки и по-французски, да еще на идише, но не по-английски. Перед вылетом в Америку я взяла шестнадцать уроков английского. Это, конечно, был очень незначительный багаж.

В первый же день папа принес мне в спальню телевизор и сказал: «Лучший способ выучить язык. Я сам выучил английский с помощью телевизора и постоянно включенного радио».

Я в свою очередь попросила говорить со мной только по-английски. Выучить язык было необходимо, но это была слишком дорогая цена. По вечерам хотелось плакать – так я уставала от английского и так скучала по литовскому и русскому!

Перелом произошел через два месяца, когда я наконец заговорила по-английски. Как вы знаете, этот язык мне впоследствии очень пригодился. После восстановления литовской независимости я смогла сходу включиться в диалог с западными людьми, взяться за международные проекты. Из моего поколения английского не знал почти никто.

Как Вы чувствовали себя по возвращении в Литву? Надеялись ли еще когда-нибудь съездить в Америку или думали, что использовали первую и последнюю возможность увидеться с отцом?

Мне вовсе не казалось, что мы расстаемся навсегда. Я уже говорила, что еще раз съездила туда в 1971 году, возила показать ему внучку, свою дочь Алину.

Тогда я уже заметила, что он слабеет. Так и вижу: стоит возле дома и машет нам вслед. Тяжело было оставлять его... Не прошло и двух лет, как он умер. Пепел его был развеян над Тихим океаном...

А теперь вернемся в межвоенный Каунас. Где жила Ваша семья до того, как перебралась в выстроенный отцом дом?

Мы жили в самом начале Лайсвес-аллеи. Нашим соседом был полковник Бобялис. Он частенько заходил поиграть в карты с моими родителями. Подозреваю, что он втайне вздыхал по моей маме. Двое его сыновей – Юргис и Казис – были старше меня, а дочка Лайму – те – моя ровесница³⁶. Мы дружили. В 1936 году, как вам известно, отец построил дом на ул. Траку (Тракайской). Насколько я помню, встречи с семьей Бобялиса стали реже.

Я почему-то не особо помню нашу квартиру на Лайсвес-аллее, воспоминания о доме на Тракайской гораздо отчетливее...³⁷

В 1936 году он получил награду как лучший жилой дом в Каунасе. Советы его национализировали. Перед войной в нем жил Антанас Снечкус, в годы войны там обосновалась гестаповская верхушка.

---

³⁶ Юргис Бобялис (1895–1954) – литовский военный, в 1937–1940 гг. военный комендант Каунаса и Каунасского округа. Во время восстания 23 июня 1941 г. – комендант города и округа. Казис Бобялис (1923–2013) – сын Юргиса Бобялиса, врач, литовский общественный и политический деятель.

³⁷ Ныне дом, в котором жила семья на ул. Траку, носит номер 18.

Дом был небольшой, но очень уютный. На первом этаже была устроена квартира для сторожа, но жил в ней папин двоюродный брат. Две квартиры второго этажа сдавались. Мы сами жили на третьем. У меня была своя комната с отдельным умывальником. Рядом с ней – выкрашенный синей краской папин рабочий кабинет, в котором я любила читать книги из нашей домашней библиотеки.

Вообще я уверена: библиотека – важнейшая часть любого дома. Родительская библиотека, где было множество книг золотого фонда западной и русской литературы, сыграла огромную роль в моем развитии. Я, правда, искала в ней в основном книги вроде «Хижина дяди Тома», но при этом видела на полках тома Мольера, Шекспира, Бальзака, Шиллера, Байрона, Флопера, Золя, Достоевского, Гете, Пушкина, Томаса Манна... Может, потому мне так хотелось после войны именно этих книг.

Напротив моей комнаты, в другом конце коридора, была родительская спальня, а рядом – очень современно оборудованные ванная и туалет.

Были в квартире, само собой, и столовая, и кухня, а рядом – комнатка для посуды. Эти комнаты, так же как и большая гостиная, располагались в противоположном конце коридора.

Из столовой можно было выйти на просторный балкон, который играл и роль террасы. Летом можно было на нем обедать, читать, загорать.

Рассказывая о нашем доме, я так и вижу все комнаты и находившиеся в них вещи. Могла бы все это нарисовать, если был бы хоть малейший к тому талант.

Папа купил еще два участка земли, прилегавших к нашему дому и двору, но потом продал. Один купили американцы и потом построили там дом под представительство Соединенных Штатов. Другой купил и выстроил себе дом доктор Милвидас³⁸.

После развода мы с мамой переехали в трехкомнатную квартиру на проспекте Витаутаса³⁹. Это тоже был построенный в межвоенное время и во всех отношениях удобный для жизни дом. Помню и его, и квартиру, кстати, тоже на третьем этаже, но не так хорошо, как папин.

С приходом Советов нас переселили отсюда в трехкомнатную коммунальную квартиру на улице Кревос⁴⁰. Помню, в том же доме жил художник Йонинас⁴¹.

Эту квартиру мы делили с евреями – беженцами из Польши. Одну комнату занимал некий господин Рабинович с женой, а кухня, ванная и туалет, как вы догадываетесь, были общие. То есть это была коммуналка.

И уже из этой квартиры во время немецкой оккупации мы были вынуждены переселиться в гетто.

Расскажите о своей школе, об учителях. Вы как-то упоминали, что воспитывались «в духе Шапоки». Что это значит?

Мы учились по «Истории Литвы» Адольфаса Шапоки⁴². Между прочим, из всей большой семьи Штромов я единственная посещала еврейскую (идиш-) школу – гимназию имени Шолом-Алейхема на улице Гардино⁴³, так решил папа, будучи уверен, что именно там рабо-

---

³⁸ Юозас Милвидас (1914–1941) – литовский инженер.

³⁹ Ирена Вейсайте с мамой жили на просп. Витаутаса в нынешнем доме номер 85.

⁴⁰ Номер дома, в котором жили Ирена с мамой, 11.

⁴¹ Витаутас Казимерас Йонинас (1907–1997) – литовский художник.

⁴² Adolfas Sapoka (red.), *Lietuvos istorija*, Kaunas: Sv. ministerijos K.L.K. leidinys, 1936. Эта подготовленная А. Шапокой и его соавторами история Литвы на протяжении всего 20 века оставалась одной из наиболее популярных книг по истории Литовского государства и народа. Она оказывала огромное влияние на формирование литовского общественно-исторического самосознания не только в межвоенные, но и в советские времена.

⁴³ Еврейская гимназия им. Шолом-Алейхема (учрежденная как «Коммерческая гимназия») с преподаванием на языке идиш находилась в Каунасе в 1926–1940 гг. на ул. Гардино (Гродненской), д. 16, ныне ул. Пуоджю.

тают лучшие учителя в Каунасе, так что я получу наилучшее образование. Все двоюродные братья и сестры ходили в литовские школы.

Еврейское население межвоенного времени можно поделить как минимум на две группы: «сионистов» и «идишистов». «Сионисты» смотрели в Палестину, мечтали о еврейском государстве и учили иврит. «Идишисты» же были ориентированы на литовское государство, придерживаясь мнения, что надо строить жизнь там, где родился. Противостояние было очевидным.

Мы в школе смеялись над «сионистами», чей образ мысли и поведение казались нам неприемлемыми. «Сионисты» платили той же монетой, постоянно выдумывая, как бы над нами подшутить. Мы всячески дразнились, обзывали друг друга, в том числе неприлично.

В гимназии имени Шолом-Алейхема действительно работали прекрасные учителя. С огромной благодарностью вспоминаю учительницу литовского Майеровичюте-Брикене. Она была из Рокишкиса, закончила литуанистику в Каунасском университете им. Витаутаса Великого. Она обучила меня литовской грамматике, раскрыла красоту литовского языка. В конце 1-го курса в Вильнюсском университете, сдавая экзамен профессору Юозасу Бальчиконису⁴⁴, я в диктанте на ударения не сделала ни одной ошибки. Пятерку он мне, правда, не поставил. Об этом эпизоде могу вам когда-нибудь рассказать подробнее...

Как уже говорилось, историю мы изучали по учебнику Шапоки. Так что мне был привит, если можно так выразиться, литовский взгляд на Великое Княжество Литовское и сформированная в те времена литовская модель патриотизма. Так что никого не удивляло, что воспитанники идишистской школы распевали на уроках: «Мы без Вильнюса не сможем!»⁴⁵.

Кстати, моим любимым великим князем литовским был Кястутис. Теперь уже трудно объяснить, почему именно он стал моим героем. Я была в него просто влюблена. Может быть, из-за романтической любовной истории Кястутиса и Бируте⁴⁶.

Сегодня, оглядываясь на свою юность, я уже могу критически оценить то понимание истории, которое формировал в нас Шапока. Но ниспровергать не тянет. Ведь литовский взгляд на историю и государство, приобретенный в школе, сформировал мое отношение к родной Литве, которое не пошатнули даже самые трагические обстоятельства. Огромную роль сыграли, конечно, мои родители, они привили и укрепили во мне чувство толерантности к другим национальностям, религиям и культурам. Это чувство сопровождает меня всю жизнь и хранит от величайших опасностей, особенно от ненависти и жажды мести. Ведь, заразившись ненавистью, вредишь прежде всего самому себе.

---

⁴⁴ Юозас Бальчиконис (1885–1969) – литовский языковед, педагог.

⁴⁵ «Мы без Вильнюса не сможем!» („Mes be Vilniaus nesurimsim!“) – чрезвычайно популярные в межвоенную эпоху стихи поэта Пятраса Вайчюнаса, положенные на музыку композитором Антанасом Ванагайтисом.

⁴⁶ Кястутис (ок. 1297–1382) – князь Тракайский, великий князь литовский (1381–1382). Бируте – его вторая жена (ок. 1325–1382).

Разговор II

«Все понимали, что Литва попала в капкан»

В интервью журналу „Moteris“ Вы сказали, что Вашу маму «тяготило положение разведенной женщины»⁴⁷.

Межвоенное общество во многих отношениях еще жило идеями и образами 19 века. Господствовало патриархальное представление о семье. Муж являлся творящей и организующей силой всей семейной и общественной жизни. Развод был вещью крайне редкой, практически непредставимой. По крайней мере среди моих близких, родни и знакомых не было ни одного случая.

Как я уже говорила, когда отец влюбился в маму, она была обручена с другим. Вы уже знаете, как упорно папа добивался ее руки. В конце концов мама не просто уступила его притязаниям и давлению близких, разорвав помолвку с Блюменталем, но и полюбила моего будущего отца.

Так что для мамы развод был особенно болезненным не только в социальном, но и в эмоциональном отношении.

Она часто плакала, я сама видела. Мне это было очень больно.

Ей казалось, что после развода некоторые мужчины стали считать ее более доступной. Она ощущала унижение. Все это тяготило, и я до сих пор не уверена, что хочу и могу об этом говорить.

Понимаю Ваши сомнения и желание некоторые вещи оставить при себе. Не могу, однако, не задать один вопрос, который помог бы лучше понять судьбу Вашей мамы. Она ведь могла оформить фиктивный брак с человеком, который жил в Швеции, и уехать в США. Почему она не воспользовалась этой возможностью?

Это судьба... В 1939 году уже все понимали, что Литва попала в капкан. Папа уехал за границу, хотела уехать и мама. Она просила отца платить ей алименты в какой-нибудь зарубежной валюте, чтобы она могла вместе со мной уехать и жить не в Литве. По неизвестным мне причинам папа не согласился.

Между тем мама много путешествовала по Западной Европе, у нее были там друзья... В Швеции познакомилась с немецким евреем, у которого было разрешение на выезд в США. Петер (помню его имя) симпатизировал маме, возможно, даже был в нее влюблен, но она не чувствовала себя готовой к новым отношениям. Тогда Петер предложил ей оформить фиктивный брак, чтобы она могла вместе со мной уехать в Америку. Мама согласилась, она не хотела оставаться в Каунасе.

Решение это она приняла не в Литве, а в Стокгольме. Я должна была сесть в самолет Варшава – Хельсинки, летевший с посадкой в Каунасе. В Хельсинки меня должен был встретить бывший французский консул в Литве г-н Жорж-Анри Дюмениль и проводить до шведской столицы. Мой дядя Юргис Штромас взял на себя все необходимые формальности.

В день отправления я в сопровождении дяди поехала в каунасский аэропорт.

Было 1 сентября 1939 года. Я прошла таможенный контроль, в тот раз особенно тщательный. Скорее всего, таможенники думали, что я попытаюсь вывезти за рубеж какие-то семейные ценности, и перещупали все мои вещи, даже в пудреницу потыкали огромным ножом.

---

⁴⁷ Virginija Majorovienė, „Stebuklas, kad islikau“ («_Н чудом выжила»), in: Mo-teris, 2013, Nr. 11, p. 184–190.

После этой проверки я вместе с другими пассажирами долго ждала самолета, однако он, само собой, так и не прилетел. В тот день нацистская Германия напала на Польшу. Началась Вторая мировая война. А мама вскоре вернулась в Литву.

О последствиях этого рокового решения я вынужден буду задать Вам много болезненных вопросов, но пока хотелось бы вернуться в те времена, когда Литва и Каунас еще не оказались в капкане. Хотелось бы услышать что-то об этом не существующем уже городе межвоенной эпохи, временной столице Литвы. Каким был этот Каунас, каким Вы его помните?

У меня особые отношения с родным городом. Каунас у меня в крови. Несмотря на то, что с самого 1943 года живу в Вильнюсе, я прежде всего считаю себя каунасским человеком. Может быть, это отчасти напоминает отношение Марцелиюса Мартинайтиса к его малой родине, описанные в прекрасной автобиографии «Мы жили»⁴⁸.

Описать это отношение очень просто и вместе с тем сложно. Я до сих пор чувствую Каунас кожей. Достаточно увидеть дом с трехстворчатыми окнами, чтобы нахлынули воспоминания, такие окна ассоциируются у меня с Каунасом тридцатых годов, с домом моего детства. Эти улицы и дома хранят много прекрасных мгновений – здесь я играла, проказничала, ходила к близким и друзьям... Но после войны, после Холокоста Каунас стал для меня городом теней. И сейчас, бродя по улицам, я вспоминаю, какие люди тут жили, но это чаще всего болезненные воспоминания. Несмотря на особое отношение, жить в этом городе мне бы уже не хотелось.

Когда Литва вновь обрела независимость и кому-то стали возвращать собственность, я поехала посмотреть на отцовский дом, принадлежащий мне по наследству. Зашла в нашу квартиру, обошла комнаты, где были спальня родителей, отцовский кабинет, гостиная, моя комната. Все было изменено, перестроено, и все же напоминало мне о моем утраченном мире. После этого месяц, наверное, не могла прийти в себя. Я даже не подозревала, насколько сильно действуют на меня воспоминания, вызванные родительским домом.

Кстати, дом был уже частично, хоть и незаконно, приватизирован, и у меня была возможность оспаривать это через суд и защищать свои права, но я не стала. Это было сознательное решение. Я взяла небольшую компенсацию, положенную по закону, настояв на одном условии: чтобы деньги были выплачены сразу, а не по частям с интервалом в несколько лет (как тогда было принято). Почему я так решила? Одна из главных причин – нежелание жить с постоянной озлобленностью внутри, которая неизбежно возникла бы из-за тяжбы. Кроме того, как сказал мой хороший друг адвокат Витаутас Меркшайтис, я бы все равно не выиграла дело, ибо взятки давать не умею.

То есть мне просто не хотелось жить в мире, переполненном дрянными эмоциями. Между прочим, не все меня поняли. Некоторые родственники осуждали меня за то, что отдала отцовский дом в чужие руки. Но я не жалею.

Возвращаясь к вопросу, каким был мой Каунас, могу ответить: это был город, который рос и хорошел на глазах... В тридцатые годы уже были построены Литовский банк, Военный музей, Центральный почтамт, строился костел Вознесения Христа, современные жилые дома. Все это сегодня уже в международном масштабе признано ценным наследием межвоенного модерна. И сама я, приезжая в Каунас, не могу нарадоваться возрождению красоты родного города...

Развитие города было прервано оккупацией. Как Вам помнится это время? Какие образы и эмоции возникают в связи с периодом, когда знакомый мир начал распадаться?

Как я уже, кажется, говорила, членам моей семьи еще до советской оккупации стало ясно – Литва попала в капкан. С этим ощущением мы жили не один месяц и даже не один год.

---

⁴⁸ Marcelijus Martinaitis, *Mes gyvenome: biografiniai uzrasai*, Vilnius: Lietuvos rasytoju sajungos leidykla, 2014.

Вступлению Красной армии в Каунас никто из семьи не обрадовался, все понимали, что ничего хорошего из этого не выйдет. Но надо было жить дальше. Отца тогда в Литве не было, но мама, как сейчас помню, сидела за столом, обхватив голову руками... Мама не одобряла тех, кто вышел на улицы Каунаса с цветами приветствовать Красную армию. И мамина эмоция мне понятна...

Совсем другая атмосфера царил в гимназии имени Шолом-Алейхема; нашу «идишистскую» гимназию объединили с «сионистской» гимназией Швабе⁴⁹, у которой было гораздо лучшее здание на берегу Нямунаса. С приходом советов все ивритские гимназии закрыли и иврит запретили, так что все уроки шли только на идише. Я уже говорила, что нам прививали идеи и ценности, занимавшие все литовское общество. С другой стороны, школа Шолом-Алейхема была левацкая, большую часть учеников составляли дети небогатых ремесленников и рабочих, а учителя сочувствовали Советскому Союзу и питали немало иллюзий насчет коммунистического рая.

Мне тогда было двенадцать лет, так что на многие вещи я смотрела глазами еще не взрослого человека и в первую очередь интересовалась происходящим здесь и сейчас. В школе немедленно образовались комсомольская и пионерская организации, и я стала пионеркой.

Вспоминаю нашего прекрасного учителя музыки, с которым мы ставили оперу. Там была песня, слова которой в переводе звучали примерно так: «Есть на свете страна, где пшеница и рожь не принадлежат господам...» Были и другие эпизоды, о которых сегодня даже говорить неприятно, ведь просоветские настроения в школе повлияли и на меня. Я не особо переживала, когда нас выгнали из отдельной квартиры на проспекте Витаутаса в коммуналку на улице Кревос.

Были и другие переживания, не связанные с приходом советов. В школе началась настоящая война, в которой пришлось участвовать и мне – ведь в гимназии Шолом-Алейхема я была первой ученицей, а в гимназии Швабе первым учеником был такой Буби Блумберг. Очень симпатичный, светловолосый и голубоглазый, амбициозный мальчик. Он очень переживал, что я отбила у него статус главного отличника, и настроил против меня своих друзей. Например, Ося Юделявичюс, способный художник, потом он стал архитектором, рисовал на меня карикатуры и распространял их⁵⁰. Ну, и я в долгу не оставалась.

Буби Блумберг пережил войну и позже уехал в США. Но он был так напуган Холокостом, что, насколько мне известно, всю оставшуюся жизнь скрывал свое еврейское происхождение. Больше мы с ним не встречались.

Когда мы говорим о первой советской оккупации, необходимо понимать, что жизненная ситуация у этнических евреев и этнических литовцев была совершенно разной. Литовцам начало войны и немецкая оккупация представлялись спасением от красной чумы, от ужаса депортаций, а для евреев, хотя их тоже увозили в Сибирь в вагонах для скота вместе с этническими литовцами, нацизм означал смерть, а советы и даже депортация – возможность выжить. Надо это понять и прекратить обвинять друг друга.

Как Ваши родные решали вопрос: если война коснется Литвы, что тогда?..

Никто из моих близких ни на минуту не сомневался, что война докатится до Литвы. Я постоянно ощущала эту тревогу, слышала эти разговоры. Однажды мне приснилось, будто я нахожусь в лагере Гитлера, и мне говорят, что я должна пойти в его палатку, сесть ему на колени и сказать «папи», по-немецки «папа». Я вся ошетибилась от ужаса и напряжения, никак не могла произнести это слово и в конце концов проснулась.

---

⁴⁹ Каунасская гимназия Швабе, еврейская гимназия с преподаванием на иврите, действовала в 1927–1940 гг. на Набережной (Prieplaukos kranto) ул., ныне просп. Короля Миндаугаса (Karaliaus Mindaugo), 11. Учредитель гимназии – Моше Швабе.

⁵⁰ Иосиф Юделявичюс – литовский художник, архитектор.

Ответа на вопрос «Что делать?» искали постоянно. Всех потрясла волна арестов и ссылок. Были высланы папин двоюродный брат Максик Штейн с семьей, папины друзья Перельштейны и множество других. Помню, какое впечатление производил на меня Гарри (Герман Перельштейн), обладавший исключительными музыкальными способностями и колоратурным сопрано. Я часто слушала его пение, записанное на пластинку. Он был старше меня и казался мне каким-то божком. В Сибири был расстрелян его отец, погибла в лагере мать. Сам он, к счастью, выжил, вернулся в Литву и стал потом основателем знаменитого хора мальчиков, „^zuoliukas“ («Дубок»)⁵¹.

Никто не ведал, почему и за что придется испытать долю арестованного и ссыльного. Это пугало и парализовало.

Гитлер о своих целях говорил в открытую, всем было ясно, что у него под прицелом евреи, цыгане, гомосексуалисты, умственно отсталые; Сталин же норовил творить злодеяния под покровом молчания или лжи. Этот факт тоже надо учитывать, говоря о самоощущении евреев в ту пору.

Между прочим, вжиться в конкретный период, в образ мыслей и чувств его людей необходимо и при оценке поведения левой интеллигенции Литвы, например, третьестроновцев⁵².

Так что не будем судить о другой эпохе, опираясь только на сведения, ценности и идеи своего времени. Я долго шла к этому пониманию. Осознать этот принцип помог мне известный российский историк Арон Гуревич своей книгой «Категории средневековой культуры», кстати, она переведена и на литовский⁵³. Он утверждает, что, говоря о якобы темном Средневековье, мы ошибаемся, ибо не вполне понимаем мышление и ценности тогдашнего человека. Средневековый человек не хуже и не страшнее нас, он просто иначе понимает значение и смысл слова Божьего. Топя или сжигая ведьму, он уверен, что Господь не допустит ни одному волосу упасть с головы невинного. По этой логике, если женщина, которую считают ведьмой, невиновна, ее и огонь не сожжет, и привязанный к ногам камень не потопит.

Аналогичные параллели можно провести и в отношении тридцатых годов двадцатого века в Литве. Тоталитарные идеологии не менее опасны, чем религиозный фанатизм.

То, о чем Вы говорите, хорошо известно историкам. Но, с другой стороны, даже понимая необходимость соблюдения дистанции между исследователем и прошлым, мы все равно совершаем ошибки, «заражаем» прошлое «вирусами» современности. Поэтому советские времена не только обществу, но и кое-кому из исследователей представляются то «темными веками», то (немногим чудакам) – «светлой эпохой».

Наше общество склонно к крайностям в оценках исторических событий, явлений и личностей, как будто можно такие вещи выкрасить одной только белой или черной краской. Помню одну дискуссию о Майронисе и Винцасе Миколайтисе-Путинасе. Профессор Ванда Заборскайте высказала мнение, что не все детали биографии подобных людей следует предавать огласке, дабы не развеять миф⁵⁴. Я никак не могла согласиться с таким взглядом. Я при-

---

⁵¹ Гарри Перельштейн (1923–1998) – литовский хоровой дирижер и педагог. В 1941 г. вместе с родителями был выслан в Сибирь. В 1956 г. вернулся в Литву, в 1959 г. создал хор мальчиков «Ажуолюкас» («Дубок»), ставший значительным культурным явлением в Литве позднесоветского периода.

⁵² «Третий фронт» (1930–1931) – авангардное писательское объединение левой ориентации, критиковавшее официальную идеологию и формы литературного процесса того времени, проявления клерикализма в общественной жизни. В «Третий фронт» входили Казис Борута, Антанас Венцлова, Костас Корсакас, Йонас Шимкус, Пятрас Цвирка, Бронис Райла и др.

⁵³ Арон Гуревич (1924–2006) – историк-медиевист, пропагандировавший и развивавший идеи французской школы «Annales». Его книга «Категории средневековой культуры» (Москва: Искусство, 1972) стала событием в интеллектуальной жизни страны. На литовском языке вышла в 1989 г.

⁵⁴ Майронис (наст. имя – Йонас Мачюлис, 1862–1932) – священнослужитель, поэт. Его поэзия и работы по истории литовского народа оказали большое влияние на становление национального самосознания. Винцас Миколайтис-Путинас (1893–1967) – литовский поэт, прозаик, драматург. Ванда Заборскайте (1922–2010) – литовский литературовед, педагог, публицист. Выпустив в 1968 г. монографию «Майронис», В. Заборскайте надолго стала наиболее авторитетным специалистом по его

держиваюсь мнения, что все мы люди, нам свойственно ошибаться, у всех есть свои слабости, даже у гениев. Желая узнать человека, особенно художника, не надо его обожествлять. Раскрываясь всеми своими гранями, он становится нам ближе, понятнее, сильнее на нас воздействует.

В этой дискуссии я скорее на Вашей стороне. Как точно сформулировал Томас Венцлова, истина важнее, чем, скажем, честь отдельной личности или даже целого народа.

Но это понимает среди нас лишь ничтожное меньшинство.

Теоретически с этим принципом, наверное, согласилось бы большинство, но на практике обращение к истине – процесс болезненный.

Да, но этот процесс не унижает человека, не ведет его к позорным компромиссам. Наоборот, человек остается самим собой. Это, конечно, нелегко, зачастую болезненно.

Должна признаться, что и мне не всегда удавалось вести себя принципиально. Уехав в Москву, я училась на одном курсе с Симоном Маркишем, сыном знаменитого еврейского поэта Переца Маркиша. Его отец был расстрелян по приказу Сталина как член Антифашистского комитета, в 1953 году всю семью выслали в Сибирь⁵⁵. Сима был очень одаренный юноша. Помню, профессор античной литературы Радциг сказал о нем: «Такие талантливые к классическим языкам люди рождаются раз в сто лет»⁵⁶.

Кажется, 1950-й год мы встречали в квартире нашей однокурсницы, дочери советского генерала, Тамары Смородинской⁵⁷. Между прочим, после событий 13 января 1991 года она приехала ко мне из Москвы, купила сотню тюльпанов, возложила на могилы погибших на Антакальнисском кладбище и просила прощения за своих соотечественников – за 13-е января и за Медининкай.

Но вернемся в 1950-й. Мы все ютились в разных общежитиях, так что тамарино предложение встретиться у нее Новый год вызвало всеобщий энтузиазм. Пришли германисты, англисты, «французы»... Пришел и «классик» Сима, он тогда дружил с англисткой Инной Бернштейн, на которой потом женился⁵⁸.

В мои студенческие времена среди молодежи было модно петь на разных языках зарубежные, особенно испанские, революционные песни. Пели в ожидании Нового года и мы. Настроение было замечательное, и вдруг Сима встал в дверях и, опершись одной рукой о дверной косяк, запел грустную песню на идише. Не помню какую, но я знала ее и, конечно, понимала слова. Мне и сейчас невероятно больно вспоминать этот эпизод, ведь Сима пел в полной тишине, а я не решилась подпеть. До сих пор стыдно.

Могу Вас понять, потому что, думая о тех временах, не раз признавался себе: «Вряд ли я был бы среди тех, храбрых...»

Никто не может вас за это осуждать, однако я должна самой себе признаться, что это было позорное, неверное с моральной точки зрения поведение. Кроме того, нас ведь никто не стал бы преследовать или как-то наказывать за песню. И все же я не решилась, ведь антисемитские настроения в Советском Союзе были тогда очень сильны...

Кстати, нас с Симой судьба свела потом в Литве. Слава Богу, ему удалось выжить в изгнании. Он вернулся в Москву, а впоследствии, когда появилась возможность, эмигрировал в

творчеству в Литве. Она также исследовала личность и творчество В. Миколайтиса-Путинаса. О своем общении с В. Заборскайте Ирена Вейсайте упоминает и в других Разговорах.

⁵⁵ Перец Маркиш (1895–1952) – поэт и прозаик, писал на идише. В 1949 г. был арестован, в 1952 расстрелян, в 1956 реабилитирован. Симон Маркиш (1931–2003) – переводчик, литературовед, педагог. В 1953 г. был вынужден прервать обучение, будучи выслан в Казахстан вместе с другими членами семьи.

⁵⁶ Сергей Радциг (1882–1968) – специалист по классическим языкам, переводчик, литературовед, педагог.

⁵⁷ Тамара Балашова (Смородинская) – филолог, специалист по французской литературе.

⁵⁸ Инна Бернштейн (1929–2012) – переводчица, жена Симона Маркиша. Впоследствии они разошлись и в 70-е годы каждый создал новую семью.

Швейцарию, где и поселился... И когда через пятнадцать лет после окончания университета мы встретились в Вильнюсе, Сима спросил: «Как ты можешь жить в Литве? Это же кровавая земля!» Я ответила ему очень просто: «Это моя страна. Я ее люблю, несмотря ни на что». Ведь родители любят своих детей, а дети – родителей, какими бы они ни были... Кроме того, я видела и вижу в Литве не только плохое, но и много прекрасного. Но это отдельный разговор.

Вы рассказывали, что Ваш отец сочувствовал левым. Не потому ли с приходом советов вас не коснулись репрессии? Ведь семья была зажиточная, а такие люди прежде всего попадали под прицел новой власти...

Папы уже не было в Литве. Само собой, мама не могла уже надеяться ни на какую его финансовую помощь в форме алиментов. Так что ей пришлось пойти на работу. Она устроилась в наркомат Торговли и промышленности начальницей отдела делопроизводства⁵⁹.

Тогдашним наркомом торговли был Марийонас Грегораускас⁶⁰. Он уже был разведен со своей женой Казимерой Кимантайте⁶¹ и влюблен в мою маму... Отношения у них были серьезные, мама даже спрашивала, не возражаю ли я, если они поженятся. Я ответила: не возражаю. Агне Грегораускайте⁶² говорила мне, что ее отец был любитель женщин, так что всерьез воспринимать этот эпизод не стоит. Не знаю, права ли она.

Как бы то ни было, я знаю, что Грегораускас после начала войны должен был бежать в Советский Союз. В воскресенье вечером или в понедельник утром он приехал в больницу Красного Креста забрать мою маму... Но она была еще слишком слаба, чтобы ехать. 16 июня ее оперировал профессор Канаука⁶³. Ей удалили доброкачественную, но очень большую опухоль на почке. Операция прошла успешно, у мамы были все шансы поправиться. Однако, несмотря на хорошие прогнозы, профессор Канаука не позволил ей отправиться в дорогу. «В дороге начнется кровотечение», – сказал он. Пришлось Грегораускасу уезжать без мамы, он оставил ей талисман – маленькую куколку... Думаю, эта связь с Грегораускасом тоже одна из причин, по которым ее потом арестовали.

А вот почему никто из маминой семьи не был депортирован в июне 1941 года – не знаю...

*Вы неоднократно рассказывали, что, когда Вашу маму пришел арестовать литовец... Да. Белоповязочник с ружьем...*⁶⁴

...произошел разговор, который глубоко повлиял на Вашу дальнейшую жизнь. О чем вы говорили?

Об этом я не только рассказывала в разных интервью, но и писала⁶⁵. В пятницу, перед тем как маму увели в тюрьму, мы говорили с ней о том, что я должна сделать, – к кому сходить, что сказать, что сделать по дому.

---

⁵⁹ Имеется в виду Народный комиссариат торговли Литовской ССР, выполнявший функцию министерства.

⁶⁰ Марийонас Грегораускас (1909–1999) – литовский экономист. В 1940 г., с началом интенсивной советизации, как личность лояльная к новой власти был назначен наркомом торговли Литовской ССР (1940–1944); с октября 1944 по август 1946 – заместитель председателя Совета министров Литовской ССР. Позже переориентировался на педагогическую и научную деятельность.

⁶¹ Казимера Кимантайте-Грегораускене, Банайтене (1909–1999) – литовская актриса, первая в Литве женщина, ставшая профессиональным режиссером.

⁶² Агне Грегораускайте – литовская актриса, дочь Марийонаса Грегораускаса и Казимеры Кимантайте.

⁶³ Винцас Канаука (1893–1968) – литовский врач, хирург, в 1940–1944 гг. заведующий отделом хирургии Каунасского Красного Креста.

⁶⁴ Белоповязочники – участники антисоветского Июньского восстания 1941 г., носившие на рукаве отличительный знак – белую повязку.

⁶⁵ См. напр.: Elvyta Kucinskaitė, „Renkuosi meilę“ («Я выбираю любовь»), in: *Tapatė*, 2011, Nr. 2 (27), p. 8–9; Virginija Majorovienė, „Stebuklas, kad islikau“.

Мама утешала себя и меня, что все будет хорошо. Но в то же время она сказала мне такие вещи, которые я поняла только гораздо позже и которые очень сильно повлияли на мою дальнейшую жизнь. Мама велела мне быть самостоятельной и жить по имеющимся возможностям, всегда держаться правды, ибо (как гласит немецкая пословица) «у лжи короткие ноги», и никогда не мстить, особенно по личным мотивам.

Это было последнее наше свидание, больше я ее не видела. В воскресенье белоповязочник отвел ее в Каунасскую тюрьму на улице Мицкевича. Кто-то рассказывал мне, что еще в воскресенье утром видел ее на больничном балконе.

Кстати, этот доктор Канаука не дал увезти маму в день ареста. «Пока эта женщина больна, она принадлежит мне», – сказал врач белоповязочнику. До сих пор я благодарна профессору за такое бесстрашие.

Как складывалась Ваша жизнь с июня по август, когда пришлось перебраться в гетто?

Когда мама с папой развелись, я старалась всячески опекать маму, она мне даже говорила, что я теперь вроде как мужчина в доме. Преподанные отцом уроки самостоятельности не раз помогали мне.

Попрощавшись с мамой, я вернулась на улицу Кревос, так как не хотела уходить из дома, который был рядом с больницей Красного Креста. Я все еще надеялась увидеть маму. Правда, еще я постоянно ходила к бабушке с дедушкой. Кроме того, рядом с больницей жила моя тетя Эдя, и к ней я тоже ходила⁶⁶.

Мама посоветовала мне обратиться за помощью к Владасу Скорупскису⁶⁷ и к Юргису Бобялису. Скорупскис помочь отказался, и я пошла к Бобялису, который в то время был комендантом Каунаса и Каунасского края. Он согласился попробовать выволить маму из тюрьмы, но предупредил, что для подкупа понадобятся деньги. Я отнесла ему мамины драгоценности – колечко с бриллиантом, бриллиантовую застёжку, серебряный сервиз. Увы, маме Бобялис помочь не смог, видимо, не получилось. А я, после одного инцидента, больше у него не появлялась.

Вместе с тем хочу упомянуть еще об одном событии. Когда была арестована на улице жена Юргиса Штромаса и мама Алика тетя Женя, Бобялис заступился за нее, и ее тут же отпустили. Так что, как видите, не все так однозначно и просто.

---

⁶⁶ Эугения (Эдя, Женя) Штромене – жена брата матери Ирены Вейсайте Овсея Штромаса (ум. 1938).

⁶⁷ Владас Скорупскис (1895–1959) – литовский военный, государственный деятель.

Разговор III «Что произошло с миром?»

Теперь придется обратиться к самому тяжелому и страшному этапу Вашей жизни – Холокосту.

Приказ о переселении в гетто был издан, кажется, 15 июля⁶⁸. Главная моя забота в то время была – где и как раздобыть еду. Хотелось помочь и тете Эде, и ее сыну Лёвиньке. Они были совершенно растеряны... Ведь в магазинах для евреев не было практически ничего, одни пустые полки! Приходилось снимать с одежды уже обязательную в то время звезду Давида⁶⁹ и идти в литовский магазин. Меня спасало то, что я прекрасно говорила по-литовски. Купив буханку хлеба, я несла ее или бабушке с дедом, или тете... Чаше всего это удавалось, хотя несколько раз доводилось слышать: «Вон отсюда, жидовка!» Вспоминая это, думаю – без иронии – как же мне повезло, что меня не застрелили, не сдали белоповязочникам...

Тогда мы еще не до конца осознавали всю опасность своего положения. Мой дядя Юргис Штротас не уехал в Россию, потому что его сын Алик был в Паланге в пионерском лагере. Вдобавок он не хотел покидать пожилых родителей и мою маму, которая лежала в больнице после операции... Так он и остался.

Дядя Юргис был директором кооператива «Парама»⁷⁰. Невзирая на антисемитскую атмосферу, уже с понедельника охватившую Каунас, он пошел в кооператив сдать ключи: «Люди же есть захотят, им нужен хлеб!» Как только он появился на работе, его немедленно взяли. А в среду или в четверг (то есть 25 или 26 июня) выгнали на работу вместе с другими арестованными евреями – что-то копать возле советского посольства в начале Лайсвес-аллеи. Я совершенно случайно увидела его там, подошла и говорю: «Дядя, бежим!» На самом деле тогда бежать было еще очень легко. Но он отвечал: «Не могу, нас ведь всех пересчитали. Если я уйду, у охранника будут неприятности. Меня и так отпустят, я же ничего плохого не сделал».

Как я уже сказала, никто из нас не представлял себе, какая над нами нависла опасность. В том числе мой любимый, умный дядя. В пятницу он вместе с другими был зверски уничтожен в гараже, Lietukis⁷¹. Я узнала об этом только после войны. Сторож нашего дома все видел своими глазами... Алику, слава Богу, удалось вернуться в Каунас невредимым, ведь он себя не выдал, не был похож на еврея, учился в атейтининкской гимназии⁷². Но большинству еврейских детей не суждено было вернуться из этого лагеря домой...

История Каунасского гетто потрясает. 18 августа 1941 прошла «акция интеллигентов», 26 сентября «акция 1000», а 4 октября ликвидировано Малое гетто⁷³. Без малого за

---

⁶⁸ Указ коменданта Каунаса Ю. Бобялиса и бургомистра Казиса Пальчяускаса о переселении евреев в Вилиямпольское гетто был издан 10 июля 1941 г. На переселение давался месяц: с 15 июля по 15 августа.

⁶⁹ По указу от 10 июля 1941 г. всем жителям Каунаса еврейской национальности было предписано с 12 июля носить на левой стороне груди желтую звезду Давида размером 8-10 см.

⁷⁰ Кооператив „Pagma“ («Поддержка»), директором которого был Ю. Штротас, держал хлебопекарню в Каунасе и сеть булочных по всей Литве, торговавших продукцией кооператива.

⁷¹ Уничтожение евреев в гараже «Льетукис» произошло 27 июня 1941 г. Точное число жертв неизвестно, но считается, что было убито около 60 человек. По словам Кристофа Дикмана и Саулюса Сужеделиса, «огромный резонанс этого события был вызван не столько масштабом этого убийства, сколько его невероятной жестокостью» (Christoph Dieckman, Saulius Suziedėlis, *Lietuvos žydų persekiojimas ir masinės žudynės 1941 m. vasarą ir rudent: saltiniai ir analizė / Prosecution and Mass Murder of Lithuanian Jews during Summer and Fall of 1941*, Vilnius: Margi rasta, 2006, p. 32; 121).

⁷² «Атейтининкай» («будущники») – католическая молодежная организация, учрежденная в 1911 году.

⁷³ Организованные групповые убийства жителей Каунасского гетто в IV и IX фортах носили название «акций». 18 августа 1941 г. в ходе «акции интеллигентов» было уничтожено 534 человека; 26 августа была подожжена больница, а больные, общим числом 1608 человек, расстреляны. 4 октября было ликвидировано Малое гетто, уничтожено 1845 человек.

три месяца была уничтожена половина населения гетто. Это всего лишь пара эпизодов, не претендующих на исчерпывающий обзор истории Каунасского гетто. Однако и этих нескольких фактов достаточно, чтобы задать вопрос: как в пору таких пограничных экзистенциальных переживаний удавалось тем, кто остался в живых, сохранить здравый рассудок и не сломаться?

Не всем удавалось в таких условиях сохранить здравый рассудок. Осмысляя собственный опыт, могу сказать одно: многое определялось просто-напросто инстинктом самосохранения – никогда мне так не хотелось жить, как в гетто! А когда охота выжить, стараешься сосредоточиться на том моменте, в котором находишься, к примеру: «Надо раздобыть чего-нибудь поесть, чтобы были силы пойти на работу!» Одним из главных стимулов уцелеть было желание когда-нибудь поведать миру, что пришлось пережить мне и моим близким. Ведь здраво осознать безмерность происходящего убийства было невозможно...

Желание цепляться за жизнь усиливала и любовь к близким.

По правде сказать, я и сейчас, говоря с вами, сама ищу ответы на многие вопросы. И на некоторые не нахожу, хотя не раз спрашивала себя: «Как в Освенциме десять тысяч заключенных стояли и смотрели на казнь детей?» Я имею в виду эпизод из рассказа Эли Визеля «Ночь»⁷⁴. Столько народу, ведь они могли бы победить эсэсовцев, всего несколько десятков. Несмотря на это, огромная толпа стояла безгласно и бездействовала, когда казнили трех изголодавшихся детей... В какой-то момент прозвучал вопрос: «А где сейчас Бог?»

Скорее всего, каждый из стоявших в той толпе до последней минуты жил надеждой, что именно ему в последний момент удастся спастись, и в то же время сознавал, что малейшая попытка бунта тут же убьет эту надежду.

Но все это лишь предположения. Я никогда не стояла над ямой и не знаю, что чувствуют люди в такой ситуации. Обвинять их за непротивление, по-моему, глупо и даже жестоко.

Думаю, нашу судьбу во многом определяли случайные совпадения. Мы жили в постоянном страхе и никогда не знали, какие последствия будет иметь то или иное решение. Жизнь превратилась в какую-то лотерею. Так, например, во время «акции интеллигентов» мой старший двоюродный брат Вальдемар Гинзбург хотел попасть в число 500 евреев, отобранных эсэсовцами якобы для работы в каунасских архивах, но... Всех их сразу расстреляли. Брата не взяли, так как в списках он был, кажется, 513-м. И он по случайности остался жив.

Эти совпадения так же сложно объяснить, как и то, о чем я уже говорила, – бессилие огромной толпы перед безнаказанным произволом нескольких десятков негодяев, пусть даже вооруженных.

Раз уж я начала о совпадениях, надо рассказать еще одну историю. Поначалу в Каунасе было два гетто – Большое и Малое⁷⁵. В Малом работала инфекционная больница. Отец моего друга Яши Браунса доктор Моисей Браунс был врач-инфекционист⁷⁶. Он часто брал с собой на работу сына-подростка. Как-то утром, это было 4 октября 1941 года, они на пару минут опоздали, и ворота Малого гетто оказались закрыты. Эта случайность спасла им обоим жизнь: именно в тот роковой день нацисты спалили больницу со всеми пациентами и персоналом... Ясно, что существует какая-то судьба, но понять, каким образом она действует, а тем более говорить об этом – невероятно сложно.

---

⁷⁴ Элизер «Эли» Визель (1928–2016) – еврейский писатель (автор 57 книг) и политический активист, родился в Трансильвании (на территории современной Румынии). За свое творчество и деятельность удостоен Нобелевской премии мира. В 1957 г. вышла первая книга Элизера Визеля «La Nuit» («Ночь»), основанная на воспоминаниях о пережитом в концлагерях – Освенциме, Буне, Бухенвальде.

⁷⁵ Территория Каунасского гетто была поделена на два – Большое и Малое гетто, связанные мостом через ул. Панерю. Малое гетто было ликвидировано 4 октября 1941 г.

⁷⁶ Моисей (Мозес) Браунс – врач, отец Якова Браунса. Яков (Йокубас, Джек) Браунс – врач, сын Моисея Браунса. Его воспоминания о Каунасе см. в кн.: *Recollections and Reflections: How I Turned Despair into an Appreciation of Life*, Portland: Vallentine Mitchell, 2007.

Были такие случайности и в моей жизни. Меня раз десять могли пристрелить, но попадались такие белоповязочники или эсэсовцы, которые отнимали часы, издевались, унижали, но не убивали...

Еще один страшный удар по Каунасскому гетто – «Большая акция» 28 октября 1941 года. Расскажите, как Вам удалось выжить в этой бесчеловечной «лотерее» смертного часа⁷⁷?

Перед этой акцией трудоспособным и работающим выдавали так называемые «йордановские удостоверения»⁷⁸. Все верили, что эти удостоверения – что-то вроде гарантии спасения, и стремились их получить, чуть ли не дрались за них.

Когда была объявлена «Большая акция», на площадь Демократов должны были выйти все, от мала до велика, и трудоспособные, и больные обитатели гетто. Стараясь выглядеть как можно более взрослой (мне тогда было тринадцать), т.е. способной работать, я оделась в мамину одежду, надела ее лифчик и напихала в него каких-то чулок, чтобы грудь казалась как у взрослой женщины.

Помню, как мы стояли колоннами, разделенные, как правило, по местам работы, а мимо нас шел гестаповец Хельмут Раука⁷⁹ и командовал, кому из евреев отойти налево, кому направо. Иными словами, одних посылали на смерть, другим еще давали временную возможность пожить. Было очень холодно. Мы стояли целый день, с раннего утра, ожидая, пока Раука с приспешниками дойдет до нашей колонны. Нас начали «сортировать» уже в сумерках, после четырех. Я видела, как Вальдемара, тетю Полю и дядю Самуила⁸⁰, ее мужа, отправили «в хорошую сторону», потому что они выглядели еще здоровыми и могли работать.

Бабушке с дедушкой было уже за 70. Выглядели они плохо, однако я не теряла надежду спасти их. Когда Раука подошел к нам, я смотрела ему прямо в глаза, наверное, с такой гипнотической силой, что он их даже не заметил. Я слышала, как он сказал: «У этой девушки красивые глаза. Направо!» Помню, как я тащила бабушку с дедушкой, как бабушка на бегу умоляла: «Детка, не спеши. Я уже не могу бегать!» – а я продолжала тянуть их за собой с почти сверхъестественной силой... В тот раз нам еще суждено было вернуться в свое жилище...

С ноября 1941 по октябрь 1943, по словам Вальдемара Гинзбурга, автора потрясшей читателей книги «И Каунас плакал», которая здесь уже упоминалась, в гетто был период сравнительного затишья. Вы заговорили о «высших моментах». Было ли это тогда же, в сравнительно спокойный период, когда в гетто стала организовываться культурная жизнь?

Мы были молоды...

Кажется, в 1942 году в гетто был создан оркестр. У меня был друг, Буби Розенбаум⁸¹, он очень любил музыку. Мы ходили с ним слушать оркестр или к нему домой крутить пластинки, и в эти моменты я снова чувствовала себя человеком. Ведь то, о чем я сегодня рассказывала, не только пугало и тяготило, но и заставляло задаваться вопросом: «За что евреев, в том числе и меня, так жестоко преследуют?» В пограничной ситуации волей-неволей начинаешь думать:

---

⁷⁷ «Большая акция», самая масштабная акция по уничтожению евреев за весь период нацистской оккупации Литвы, была проведена 29 октября 1941 в IX форте. Было расстреляно 9200 человек.

⁷⁸ Удостоверения евреям-ремесленникам выдавал комендант Каунасского гетто Фриц Йордан.

⁷⁹ Хельмут Альберт Раука (1908–1983) – эсэсовец, военный преступник, причастный к убийству 11584 евреев – мужчин, женщин и детей – в Каунасе во время Второй мировой войны. После войны Х. Рауке удалось скрыться и избежать ответственности за свои преступления. Обнаруженный в 1982 г. в Торонто (Канада), он был арестован и умер в тюрьме, не дождавшись суда.

⁸⁰ Имеется в виду Самуил Гарзон.

⁸¹ Мозес «Буби» Розенбаум (1924–1942) погиб в концлагере Дахау.

«А вдруг в нас, евреях, в том числе и во мне, действительно есть что-то такое отталкивающее или дурное, что определило теперешнее наше положение?»

Я уже говорила, что музыка развеивала такие мысли, предположения и сомнения. Как и литература. В гетто была организована подпольная школа. Помню, как мы читали там баллады Шиллера. Там говорилось о дружбе, добре, любви, благородстве, правде и верности. Читая возвышенные строки немецкого поэта, я чувствовала, как возрождается и растет во мне вера в человека и в жизнь.

Разговор IV «Простить и строить будущее – предназначение живых»

Теперь хотелось бы услышать о том, как Вам удалось бежать из Каунасского гетто.

Долгое время бытовало ошибочное убеждение, что, если мы будем полезны Рейху, нам позволят выжить. С течением времени стало ясно: все евреи гетто обречены на смерть, наша гибель – только вопрос времени. Поэтому все стали искать выход. Кто-то из молодежи ушел в партизаны. Хотя, честно говоря, никто их там с распростертыми объятиями не ждал – одно из обязательных условий для того, чтобы попасть в советские партизаны, было наличие оружия. А где его взять? Другие пытались найти себе или детям убежище в литовских семьях. Это тоже была нелегкая задача: ведь нацисты валили в одну яму и евреев, и тех, кто их спасал. Кроме того, пропаганда нацистов и ЛФА сильно влияла на общественное мнение – на евреев смотрели как на виновников всех обрушившихся на Литву несчастий⁸².

Я сама не хотела покидать гетто. Еще живы были дедушка, тетя, другие родственники и друзья. Но летом 1943 года я получила письмо от Онуте Багданавичюте-Стримайтене.

Онуте работала в Государственном лотерейном агентстве моего отца. Я ее очень любила, знала всю ее семью. Ее отец работал органистом в Кудиркос-Науместисе, иногда летом я ездила к ним в гости. Дружила с ее братьями и сестрами. В 1938 году Онуте вышла замуж. Нас с мамой пригласили на свадьбу, есть несколько фотографий с этого праздника. Муж Онуте, Юозас Стримайтис, был военный⁸³. Его послали учиться в Бельгию, и они с женой поехали туда еще до первой советской оккупации. Таким образом они избежали депортаций. Война застала Юозаса и Онуте в Бельгии.

В Каунас они вернулись в 1942 году.

Я предполагаю, что в Бельгии они общались с моим папой. Папа, как вы уже знаете, в то время жил в Брюсселе с литовским паспортом. Думаю, именно он заговорил с ними обо мне.

Как бы то ни было, вернемся к письму. Его передал мне кто-то из бригады гетто, работавшей в городе. Онуте сообщала, что для меня готовятся документы, что мне надо бежать из гетто, где меня ждет только гибель. Прочитав письмо, я долго думала, что же мне делать. Не хотелось бросать близких. Правда, Алик и Мара⁸⁴ уже тоже готовились к побегу. В конце концов близкие убедили меня решиться на побег: всем вместе уйти все равно не удастся, придется спасаться поодиночке.

Наконец было решено, что 7 ноября 1943 года я с вечерней бригадой выйду из гетто. С евреем-полицейским заранее договорились, что меня не сосчитают, что я сниму с одежды звезду Давида, которая будет не пришита, а только приколотая, и сразу за воротами выйду из колонны.

Помню, как долго, кажется, в будке полицейского у ворот гетто, мы ждали бригаду, которая задерживалась. Обычно вечерняя бригада на городские работы выходила в четыре, а в тот

---

⁸² Литовский фронт активистов (ЛФА; Lietuvos aktyvistu frontas, LAF) – организация антисоветского сопротивления, действовавшая в 1940–1941 гг., подготовившая и осуществившая Июньское восстание 1941 г. В ней объединились самые разные антисоветские движения: в Каунасе ядром ЛФА стала подпольная студенческая коалиция, в Вильнюсе – бывшие литовские военные, в Берлине организатором стал бывший литовский посол Казис Шкирпа. По политическим соображениям руководство берлинского ЛФА сотрудничало с немецкой военной разведкой и Главным управлением вооруженных сил. В идеологии ЛФА был силен антисемитский элемент.

⁸³ Юозас Стримайтис (1910–1979) – литовский инженер и военный.

⁸⁴ Маргарита (Мара) Штромайте-Каган (Маргарет Каган) (1924–2011) – славистка, предприниматель, общественный деятель.

день она вышла только после шести. Уже как следует стемнело. Сопровождал колонну один вооруженный белоповязочник, а может быть, литовец-полицейский.

Вроде бы все складывалось хорошо... Самым страшным был момент выхода из колонны. Если бы охранник заметил – само собой, пристрелил бы на месте. Помню, как шагнула из колонны в сторону переулка. Ощущение такое, будто в спину нацелено дуло. Я медленно шла в сторону переулка, а в голове одна мысль: «Без паники! Не спеши! Спокойно! Не выдай себя!» Слава Богу, охранник не заметил, и я повернула с улицы Крикщокайтиса на Юрбаркскую, которая вела к мосту. На мосту меня должна была встретить Онуте, но в условленном месте я ее не обнаружила, ведь, как уже сказано, опоздала на встречу на целых два часа.

Каунас я знала отлично, так что пошла туда, где жили Онуте и Юозас. С легкостью нашла нужный дом в начале улицы Донелайтиса, и тут вдруг поняла, что не знаю номера квартиры.

Пришлось постучаться в первую попавшуюся дверь – как оказалось позже, прямо к сторожу дома. Встреча могла оказаться роковой, ведь большинство сторожей сотрудничало с гестапо. И снова, должно быть, спасло меня хорошее знание литовского. Сторож ничего не заподозрил, правда, Онуте и Юозас, узнав, что я вначале постучалась к нему, перепугались насмерть. Всю ночь, наверное, не спали, а ранним утром мы с Юозасом поспешили на дизель Каунас – Вильнюс. Так я оказалась в Вильнюсе, и начался вильнюсский период моей жизни. С 8 ноября 1943 года я стала виленчанкой!

В Вильнюсе Юозас отвел меня к своей сестре. Она жила в Жверинасе. Это была милейшая женщина, правда, не без оснований напуганная, что из-за меня она попадет в беду. Все три ночи, что я была у нее, она не сомкнула глаз. Было очевидно, что надо искать приюта у кого-то другого. Так я оказалась у Пранаса, брата Онуте. Я любила его с детства. Это был удивительный человек, необычайно добрый, с прекрасным чувством юмора. Хирург по профессии, Пранас обладал писательским талантом, интересовался и другими искусствами, особенно театром⁸⁵. У него собирались интереснейшие люди, такие, как Шкема, Качинскас, Юкнявичюс, Лукошюс⁸⁶. Жили мы во дворце Ходкевичей, где сейчас Вильнюсская художественная галерея. (В моей комнате теперь кабинет вице-директора Национального художественного музея, моего бывшего студента Витаутаса Бальчюнаса⁸⁷). Всем, кто заходил к Пранасу в гости, говорилось, что я его родственница из деревни. Очень интересно бывало устроиться в уголке и слушать их разговоры. Жаль, что ничего не записывала.

У Пранаса было очень хорошо. Однажды он выдал мне деньги на перманентную завивку – чтобы я, по его словам, выглядела, «как все молодые девушки». Но то была ошибка: с вьющимися волосами моя внешность стала еще более еврейской.

Жила я у Пранаса с документами Ирены, дочери Феликсаса Трейгиса, директора Мариампольской гимназии⁸⁸. Сама я г-на Трейгиса не знала, скорее всего, Стримайтисы попросили его помочь, и он согласился. Так я легализовалась в Вильнюсе.

Мне помогла устроиться на работу в круглосуточные ясли (на ул. Субачяус, д. 16), санитаркой к доктору Изидорюсу Рудайтису, Марцеле Кубилюте, замечательный человек, большая патриотка Литвы. Впоследствии я узнала, что она была литовской разведчицей⁸⁹.

---

⁸⁵ Пранас Багданавичюс (1900–1992).

⁸⁶ Антанас Шкема (1910–1961) – писатель, один из главных новаторов литовской литературы 20 века. Иеронимас Качинскас (1907–2005) – литовский композитор, яркий представитель модернизма в музыкальной культуре Литвы межвоенного периода. Ромуальдас Юкнявичюс (1906–1963) – литовский театральный режиссер и актер. Балис Лукошюс (1908–1879) – литовский актер.

⁸⁷ Вильнюсская картинная галерея находится по адресу: ул. Диджэйи, 4. Витаутас Бальчюнас – музейный работник, заведующий Вильнюсской картинной галереей.

⁸⁸ Феликсас Трейгис (1886–1948) – математик, педагог, директор Мариампольской гимназии. Его дочь Ирена Трейгите во время войны находилась в Мариамполе. Документы И. Трейгите достали для Ирены Вейсайте Ю. и О. Стримайтисы.

⁸⁹ Изидорюс Рудайтис (1911–1995) – врач. Марцеле Кубилюте (1898–1963) – литовская общественная и государственная деятельница, разведчица (сотрудница литовской военной разведки). Подробно об этой женщине исключительной судьбы

В яслях я кормила детишек, мыла пол и убирала в палатах, меняла белье, стирала. Где-то через неделю после начала работы в палату вбежала старшая медсестра Габрюнене с расспросами: «Кто ты? Откуда? Как твоя фамилия?» Мне показалось, что она спрашивает сердито, подозревая, что я еврейка. Я, конечно, на все вопросы ответила и сразу рассказала о нашем разговоре Пранасу и Марцеле. Оказывается, среди персонала пошел слух, что я еврейка, но доктор Рудайтис это категорически отрицал, и теперь все в порядке. Правда, доктор Рудайтис тоже не знал всей правды: Марцеле сказала ему, что я «еврейка наполовину».

Так что все вроде бы успокоилось. Однако ровно через неделю в палату вбежала медсестра и сообщила, что здание окружено гестаповцами. Я была уверена, что это за мной. Лихорадочно думала: «Что же теперь делать?» Пыталась совладать с эмоциями... Зашла в туалет, спустила воду и попробовала мыслить логически. Если пытаться сбежать, точно поймают. При этом я ведь зарегистрирована у Пранаса, значит, пострадает и он. Если останусь на рабочем месте – не выдам себя. А если все же возьмут, будет хотя бы возможность объяснить гестапо, что Пранас ничего не знал о моем происхождении, потому и сдал мне комнату. Взвесив все «за» и «против», я вернулась в палату, взяла манную кашу и стала кормить какого-то ребенка, было время обеда. В этот момент по коридору загрохотали военные сапоги. В палату вошел доктор Рудайтис и с ним несколько гестаповцев. Лиц не помню, память сохранила только прекрасно начищенные сапоги. Не вполне уверена, но мне показалось, что войдя в палату, доктор Рудайтис подмигнул мне. А гестаповцы, осмотрев помещение, вышли. Как я узнала позже, приходили они по доносу, что в яслях есть еврейские дети. Раненым немецким солдатам не хватало донорской крови, и еврейских детей хотели использовать в качестве доноров. Доктор Рудайтис не сдал гестаповцам ни одного ребенка. Правда, во время проверки было обнаружено несколько обрезанных мальчиков, но доктор Рудайтис сказал, что это дети не еврейские, а караимские.

Можно сказать, что визит гестапо в ясли легализовал меня. Я обрела «благонадежность» и проработала там до конца нацистской оккупации.

Каждый день я шла на работу по улице Субачяус. В нынешнем доме под номером два располагался бордель, обслуживавший немецких солдат. Четверг был выходной, и девицы, в основном польки, сидели на подоконниках и задирали прохожих. Так что, ходя мимо этого дома, я получила исчерпывающее сексуальное образование.

Как я уже сказала, после гестаповской проверки в яслях наступило сравнительное спокойствие. Я продолжала жить у Пранаса, однако с течением времени стало ясно, что оттуда надо перебираться. У Пранаса была в Шяуляй невеста Яне, и ей не очень-то нравилось, что у ее будущего мужа живет дома какая-то девушка. В наших с Пранасом отношениях никакого подтекста не было, но в Шяуляй поползли слухи, что Янин жених живет с какой-то девицей. А мне ведь было уже пятнадцать...

Но главная причина, из-за которой мне пришлось съехать, была связана с незначительным на первый взгляд происшествием. Как-то вечером у Пранаса, как обычно, собралась богемная компания. Кто-то принес довольно примитивный альбом репродукций голландского художника Винсента Ван Гога, и вся компания его с интересом листала. Я очень любила Ван Гога, видела в Париже его картины, поэтому как-то забылась и во всеуслышание заявила: «Ван Гог мой любимый художник!» Конечно, все удивились – откуда деревенской девчонке знать французского художника?

Не сомневаюсь, что никто из гостей Пранаса не выдал бы меня, но все они были любители приложиться к рюмочке. А выпивший человек нередко расскажет такое, чего трезвый не

рассказал бы. Так что оставаться в этом гостеприимном доме стало небезопасно. Пришлось мне уйти.

Мои спасители – Онуте и Юозас – договорились с такой Марией Мешкаускене (она жила на проспекте Гедиминаса в доме номер 32), что я поселюсь у нее⁹⁰. Ее муж, полковник литовской армии, в первую советскую оккупацию был арестован и вывезен куда-то в Россию, в заключение⁹¹. У г-жи Мешкаускене была десятилетняя дочь Сауле и прислуга Ядвига. В той же квартире жила и Марцеле Кубилюте. С ней я наконец-то могла поговорить, что называется, по душам. У Мешкаускене я прожила два месяца, но по разным причинам чувствовала себя не особенно уютно, хотя очень благодарна за предоставленное убежище и понимаю, как сильно она рисковала. Смею предположить, что г-жа Мешкаускене решила помочь мне, так как была глубоко верующей, кроме того, за меня просил ксендз Скурскис, совершивший надо мной таинство крещения в костеле Св. Игнотаса⁹².

Чтобы не возбудить подозрений и не отличаться от всех, я должна была каждое воскресенье ходить на службу. Между прочим, это не было «спектаклем». Я действительно чувствовала себя там очень хорошо... Ведь Христос любит страждущих даже больше, чем счастливых, и им воздастся на небесах. Так что в костеле я чувствовала себя полноценным человеком, которого Бог любит и опекает, а не каким-то отщепенцем, который хуже других. По крещению мое имя Мария, а по конфирмации – Котрина. Конфирмацию я получила у епископа Мечисловаса Рейниса⁹³.

Долгое время, даже и в советские годы, я была очень верующей и постоянно ходила на службы.

---

⁹⁰ Мария Мешкаускене (нач. 20 в. – 1983).

⁹¹ Чесловас Мешкаускас (1904–1942) – литовский военный. После оккупации Литвы советами в 1941 г. был осужден на 8 лет лагерей и вывезен в лагерь возле Печоры (респ. Коми), где и погиб.

⁹² Норбертас Скурскис (1904–1972) – литовский священник.

⁹³ Мечисловас Рейнис (1884–1953) – литовский католический и общественный деятель, архиепископ, педагог.

Каунас, 1930. С этим медвежонком связана целая история. Ирене очень хотелось сестру или брата, и однажды она по секрету сообщила подружкам, что у нее родился братик. Когда подруги пришли в гости, Ирена показала им спящего в кровати медвежонка

Дедушка Ирены Лазарь Вейс перед Первой мировой войной

Она Штромайте, Эугения Штромене, София Штромайте-Вейсене, Каунас, 1926

Ирена первая слева. В центре стоит ее дедушка Хиель Штромас. Каунас, 1933

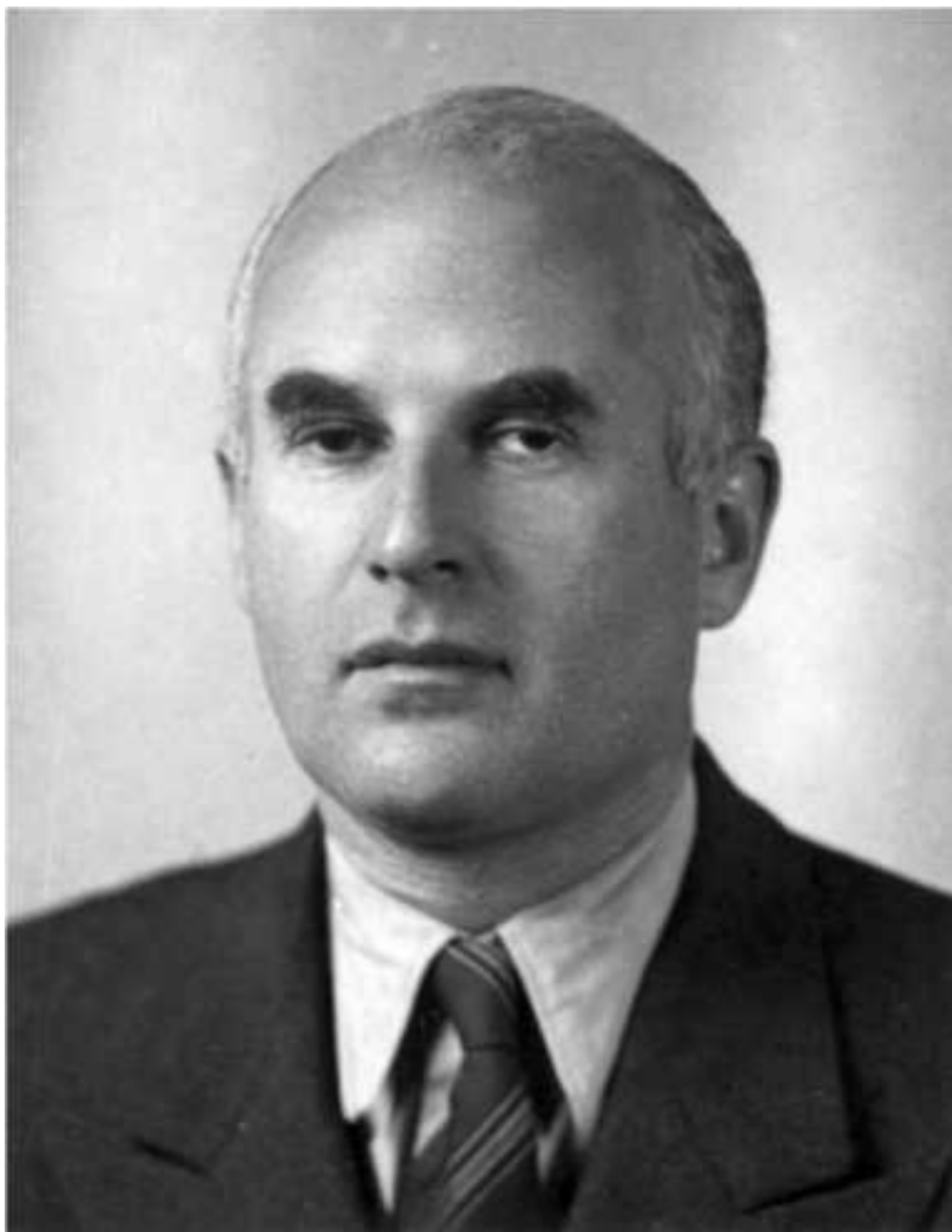
День рождения двоюродного брата Ирены, Лёвы Штромаса. Каунас, 1934.
Ирена сидит первая справа. За ней стоит бабушка Хая, вторая слева мама Ирены София

Ирена с мамой. Каунас, 1938. Фотостудия Зинаиды Блюменталь

Каунас, 1938. 2 сентября 1943 эта фотография была подарена Яше Браунсу. Желая сохранить фотографию, он зарыл ее на территории Каунасского гетто, и после войны она была найдена

Отец Ирены Изидорюс Вейсас.
Брюссель, 1949

Юргис Штромас, Эугения Штромене, Маргарита Штромайге. Берлин, около 1936

София Вейсене, Ирена Вейсайте, Алик Штромас на переправе через Неман возле Бирштонаса, 1939

Маргарита Штромайте. Каунасское гетто, 1942

Спасители Ирены: Юозас Стримайтис и Она Багдонавичюте-Стримайтене. Брюссель, 1938

Мария Ладигаите, дочь Стефании Ладигене, и Ирена Вейсайте. Москва, 1947

В парке Вингис, 1947

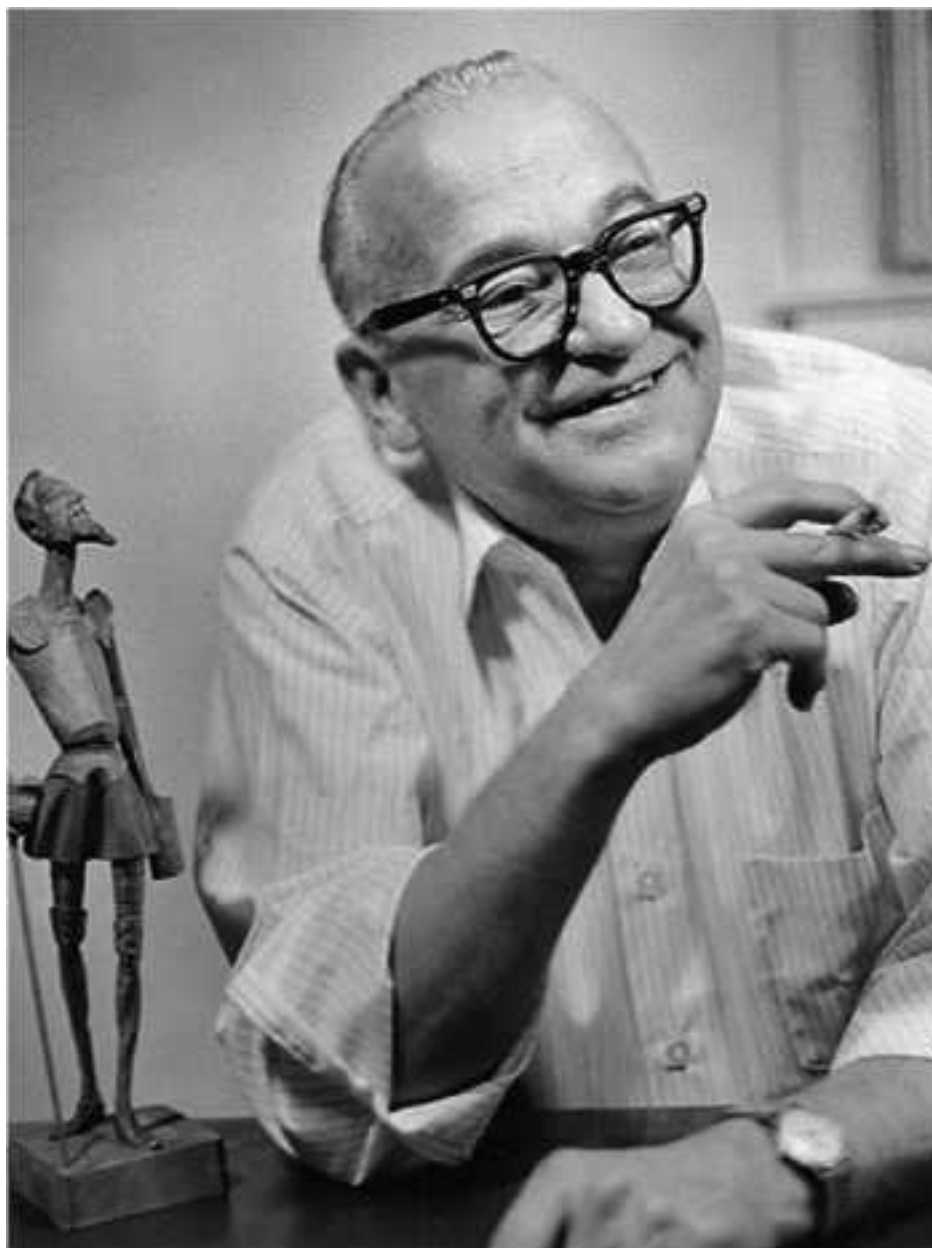
Стефания Палюлите-Ладигене, 1920. Весной 1944 она приняла Ирену в семью

Ванда Заборскайте, классная руководительница Ирены. Вильнюс, 1947

Вальдемар Гинзбург. Около 2008

Пранас Багдонавичюс, приютивший Ирену в Вильнюсе в 1943 г. Нью-Йорк, 1970-е

Школьные подруги, медалистки. Слева направо: Сигита Палецките, Ирена Вейсайте, Бируте Баужайте, Лиля Бокшицките. Вильнюс, 1947

Ирена с Бетти и Моисеем Браунсами. Вильнюс, 1947

Около 1947

Ирена и Гене – студентки Вильнюсского университета. 1947

Литовские студенты МГУ, Ирена Вейсайте в центре. 1951

Литовские студенты МГУ Ирена вторая слева в первом ряду, Александрас Штромас первый справа во втором. Москва, 1951

С Еленой Маркович. Паланга, 1952

Профессор Мария Тронская, научный руководитель кандидатской диссертации Ирены Вейсайте.
Ленинград, около 1960

1954. Фото Б. Залесской (?) из архива А. Герасимовой

С Тадасом Масюлисом на берегу реки Нерис по возвращении Масюлиса из 11-летней ссылки. Вильнюс (Валакампйяй), 2-я половина 1950-х

С дочкой Алиной.
Вильнюс, около 1958

Яков Бум, Алина, Ирена. Вильнюс, начало 1960-х

Слева направо: Ирена Вейсайте, Йонас Юрашас, Калью Хаан. Внизу: Аушра-Мария Слущкайте-Юрашене. 1960-е

С дочерью Алиной и Александрасом Штромасом в Тарусе. 2-я половина 1960-х

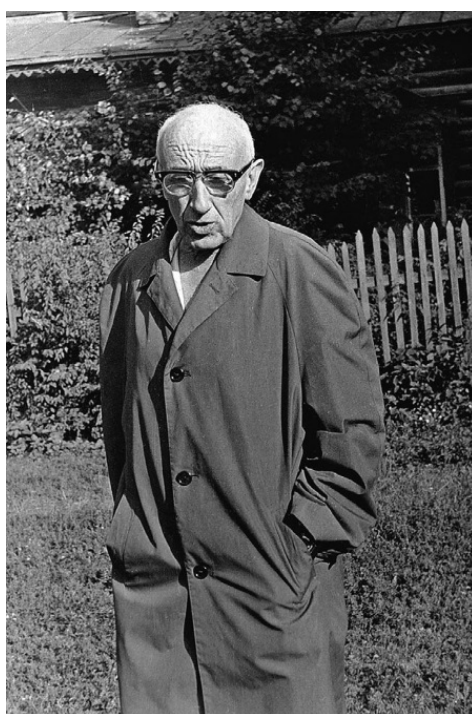
Ближайшая подруга Ирены Татьяна Николаевна Абрикосова, начало 1970-х

На заседании «Театральной мозаики» в Вильнюсском Педагогическом институте, 2-я половина 1970-х. Фото: Она Паедайте

Первая встреча с отцом после войны. Лос-Анджелес, 1968

Николай Оттен. Таруса, около 1966

Григорий Кроманов в Таллинском русском драматическом театре, 1982

С Григорием Кромановым. Нида, около 1972

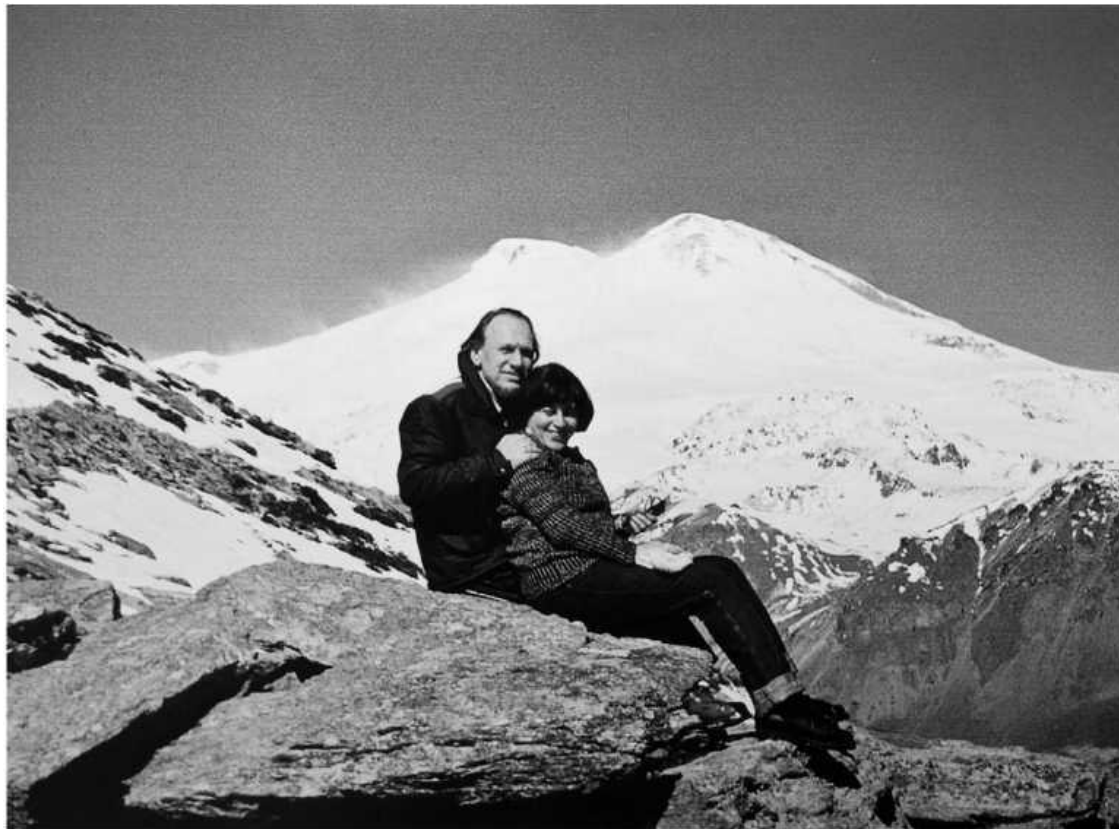
Казис Сая и Григорий Кроманов на репетиции спектакля «Святое озеро». Таллин, 1971

С Томасом Венцловой на вечере в Союзе писателей Литвы. Вильнюс, около 1976

Арво Пярт, Ирена Вейсайте, Григорий Кроманов. Таллин, около 1976

Григорий Кроманов и Ирена Вейсайте во время съемок фильма «Отель „У погибшего альпиниста“». Казахстан, 1978

Макет скульптуры Барборы Радвилайте во дворе у Владаса и Марите Вильджюнасов. Вильнюс, около 1981

С Юозасом Грушасом у него в саду. Каунас, около 1985

Сцена из спектакля «Пирсмани, Пирсмани...», режиссер Эймунтас Некрошюс. Владас Багдонас и Ирена Кряузайте. 1981. Фото: Аудрюс Завадскис

Театральная секция, встреча с актрисой Нийоле Гельжините (вторая слева в первом ряду).

Ирена Вейсайте стоит первая слева. Вильнюс, 1986

«Калигула», режиссер Йонас Вайткус. В роли Калигулы Валентинас Масальские. 1983

«Улыбнись нам, Господи», режиссер Римас Туминас. Слева направо: Витаутас Григолис, Андриус Жебраускас, Сигитас Рачкис, Витаутас Шапранаускас. 1994. Фото: Дмитрий Матвеев

Ирена Вейсайте и Ив Плассеро. Вильнюс, 1990-е

Ирена Вейсайте и Александрас Штромас на съезде «Сантара-Швеса» в Аникщяй, 1995
Фото: Антанас Суткус

В одном из двориков Вильнюсского университета, 1990. Фото: Антанас Суткус

С Джорджем Соросом. Вильнюс, около 1995. Фото: Антанас Суткус

Возле отцовского дома. Каунас, 1990-е

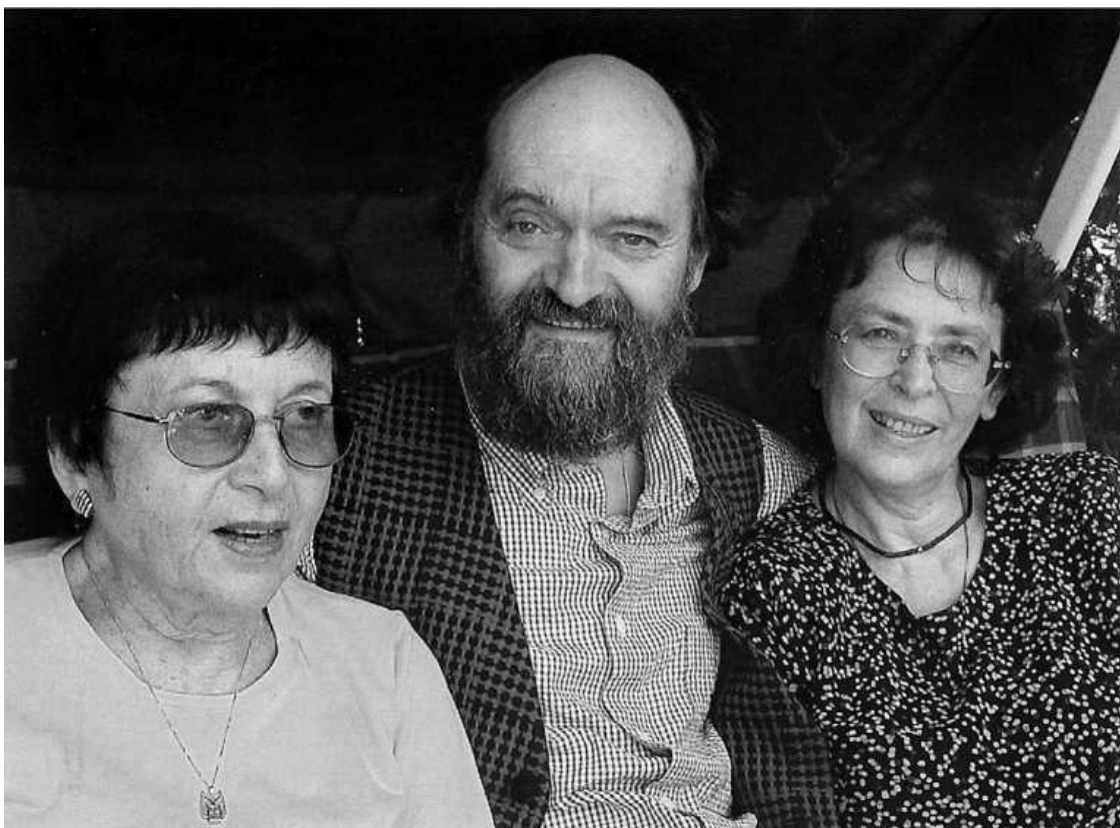
Ирена Вейсайте с внуками и литовской делегацией в Национальном центре Холокоста Бейт Шалом (Beth Shalom). Первый справа – директор и создатель центра Стивен Смит. Великобритания, 1998

С Кшиштофом Чижевским в Ниде, около 2000

С Аудрой Жукайтите. Тракай, 2001

Ирена Вейсайте, Арво Пярт и его жена Нора. Берлин, 2002

Виолета Толейкене, Витаутас Толейкис, Ирена Вейсайте. Зубишкес, около 2008

Ирена Вейсайте выступает от имени Литвы, присоединившейся к Евросоюзу. Берлин, у Бранденбургских ворот, 1 мая 2004

Ирена с дочерью Алиной, внуками Майклом и Даниэлем Славински. Лондон, около 2010

С Ниной Демуровой, около 2010

С бывшим студентом и близким другом Марюсом Микалаюнасом. Вильнюс, Рождество 2018

Дома в Вильнюсе, 2016. Фото: Артур Морозов

Ирена Вейсайте и Ауримас Шведас. Последний эпизод разговорного марафона.

Май 2015, у Ирены дома. Фото: Альгимантас Александревичус

Как вы, должно быть, заметили, мы беседуем в комнате, где стоит менора⁹⁴, а на стене – крест. В спальне у меня тоже есть и менора, и Св. Мария. Позднее меня отпугнули от церкви проповеди ксендзов... Слишком много в них было стереотипного мышления. Года с 1949-го я на службы ходить перестала. Но до сих пор напряженно ищу ответы на вопросы нашего бытия, и, если можно так выразиться – ищу Бога...

Вернемся, однако, к тому событию, которое заставило меня искать нового пристанища. Онуте и Юозас, как я уже говорила, нашли мне приют у Марии Мешкаускене. Меня положили в комнату, полной всякого барахла, одежды, коробок. В общем, это было что-то вроде склада. Открыв туда дверь, и не догадаешься, что где-то в глубине, возле окна, стоит кровать. Последнее обстоятельство меня и спасло. Ибо в один прекрасный день к г-же Мешкаускене явилось гестапо. Не знаю, что они искали, но, сунув нос в комнатку, где в тот момент спала я, они меня не заметили.

Как только гестаповец ушел, г-жа Мешкаускене сказала, что я должна немедленно покинуть ее дом. Не помню, где я провела несколько дней, скорее всего у сестры Юозаса в районе Жверинас, но потом Юозас и Онуте отвели меня к г-же Стефании Ладигене на ул. Траку⁹⁵. Был вечер, вся семья сидела за ужином. У г-жи Ладигене было шестеро детей, хотя трое с ней уже не жили. Старший сын Альгис сторожил семейную усадьбу в Гульбиненай, Линаса вывезли на работы в Германию, а Ирена учительствовала, кажется, в Варене⁹⁶.

Когда я пришла, г-жа Ладигене усадила меня за стол и сказала детям: «Я привела вам Ирену – это ваша сестренка, прошу любить и жаловать!» Позже она любила говорить, что у нее две дочки Ирены – белая и черная (по цвету волос).

В доме г-жи Ладигене работала пожилая прислуга Агнета. В тот вечер она испекла лепешки со шкварками. Я села за стол и заметила, что г-жа Ладигене положила мне немного больше лепешек, чем своим детям. Очевидно, она поняла, что я здорово проголодалась. Мне даже трудно передать, насколько острым было чувство голода, сопровождавшее меня все годы нацистской оккупации! Доброта хозяйки меня чрезвычайно тронула. После ужина мы долго сидели за столом и разговаривали: дети Ладигене – Марите, Йоне, Бенедиктас, – и я.

В том доме было принято, чтобы мама перед сном подходила к каждому из детей, целовала и мизинцем чертила на лбу крестик.

Меня положили в кровать вывезенного в Германию Линаса. Подойдя ко мне, г-жа Ладигене поцеловала и меня и начертила на лбу крестик. Невольно глаза мои наполнились слезами. Ладигене очень испугалась и стала спрашивать, что же меня так обидело или огорчило. А я спросила: «Вам не противно целовать еврейку?» Тут уж она и сама расплакалась. Той ночью ни я, ни она не спали, проговорили до рассвета. Так она стала моей второй матерью, а я – ее дочерью. Я оставалась с семьей Ладигене и после прихода советов, пока ее не сослали в Сибирь.

Вы, наверное, хотите спросить, почему я расплакалась и почему у нас состоялся такой драматический разговор. Здесь очень важно сказать одну вещь: когда человек постоянно окружен презрением и ненавистью, постоянно подвергается гонениям и преследованиям, это очень

---

⁹⁴ Менора – семисвечник, один из главнейших и древнейших символов иудаизма.

⁹⁵ Стефания Палюлите-Ладигене (1901–1967) – литовский педагог, общественный деятель, публицист. В 1920 г. вышла замуж за военного Казиса Ладигу. Весной 1944 г. приняла в семью Ирену Вейсайте. Подробно: Ešame: *Stefanija Ladigienė: dienorastis, atsiminimai, laiskai, publikacijos*, sud. Ema Mikulėnaitė, Vilnius: Lietuvos gyventojų genocido ir rezistencijos tyrimo centras, 2003.

⁹⁶ Альгис Марийонас Ладига (1922–2011) – литовский художник. Линас Пранас Ладига (1929–2010) – литовский военный, капитан торгового судна (в Польше). Ирена Ладигаите-Эйва – в Литве изучала историю искусств, в США работала на швейной фабрике. Не названы еще трое детей Стефании Ладигене и Казиса Ладиги: Бенедиктас Ладига (1929–2011) – заведующий механическими мастерскими экспериментального хозяйства Литовского научно-исследовательского института земледелия; Мария Ладигаите-Вильдженене – литовский график, иллюстратор; Иоана Ирена Ладигаите – филолог.

сильно влияет психологически. И я, живя в этом страшном потоке ненависти, чувствовала, что в сердце завелся червь сомнения: «А вдруг со мной и в самом деле что-то не так?»

В семье г-жи Ладигене я чувствовала себя замечательно, меня окружили любовью и заботой. Она была глубоко верующим человеком, но никогда этого не демонстрировала и всегда была к себе требовательнее, чем к другим. Все ее существо было проникнуто духом любви к ближнему. Вместе с тем она была вполне светской художественной натурой. А как прекрасно декламировала стихи! Помню, как по вечерам мы всей семьей рассаживались в гостиной, и она читала нам Саломею Нерис, Бернардаса Бразджениса или Майрониса, а то и по-русски – Пушкина, Апухтина и других⁹⁷.

Я очень удивилась, когда однажды она подарила мне баночку румян, чтобы я не выглядела такой бледной. Для католической литовской семьи это было совершенно непредставимо! Девушка, которая пользуется румянами и пудрой, по тогдашним временам считалась по меньшей мере несерьезной. Но Ладигене умела отличать веру от поверхностной набожности. Главной движущей силой была для нее, как я уже сказала, любовь к ближнему. Никто не уходил из ее дома голодным, каждый, кто обращался за помощью, был уверен, что найдет сочувствие и понимание. Помню, изредка между г-жой Ладигене и Агнетой возникала дискуссия. «Может, не стоит гостей угощать? – ворчала Агнета. – Завтра же детей нечем кормить будет!» «Не волнуйся, Господь подаст», – был ответ. Как ни странно, г-жа Ладигене оказывалась права. Глядишь, на следующий день кто-нибудь привезет из деревни сала, яиц, муки или картошки, так что семья, вопреки опасениям Агнеты, не голодала.

С нами на Траку жила еще учительница Аделе Дирсите, которую ныне католическая церковь объявила блаженной⁹⁸. В то время она преподавала немецкий в Вильнюсской женской гимназии. А также некий Чесловас Мечис – человек с замечательным чувством юмора. Небольшого роста, в теле, он любил пошутить, что ему достаточно пальцем поманить, как тут же «сбегутся все девчонки». Не сомневаюсь, что и учительница Аделе, и г-н Чесловас догадывались о моей тайне, но они были свои. Кстати, дети г-жи Ладигене не догадывались ни о чем. Вспоминаю смешной случай – Мария Ладигаите (впоследствии Вильдженене) со своей одноклассницей Иреной Жемайтите (впоследствии Генюшене)⁹⁹ должны были участвовать в каком-то школьном тематическом вечере в национальных костюмах. Уже нарядившись, они вертелись перед зеркалом и болтали между собой: «Ну какие же из нас литовки? Посмотри на Ирену – вот настоящая литовка!..» Я, конечно, потихоньку улыбалась. Мы до сих пор со смехом вспоминаем этот эпизод.

В доме у Ладигене я была счастлива и чувствовала, что меня любят.

Как я жила в то время? Продолжала работать в яслях, у доктора Рудайтиса. Мне очень не хватало театра и кино. В театр пойти не решалась, хотя тогда шла «Нора» Генрика Ибсена с Моникой Миронайте¹⁰⁰. Один раз была в кино, на популярном тогда фильме «Золотой город» по роману Рихарда Биллингера¹⁰¹. В тот раз после сеанса все двери были перекрыты, и гестапо

⁹⁷ Саломея Нерис (1904–1945) – одна из ярчайших фигур литовской поэзии межвоенного периода, личность неоднозначной, трагической судьбы. Бернардас Браздженис (1907–2002) – один из главных литовских поэтов, сформировавшихся в период независимости. В годы оккупации обрел статус народного поэта, его поэзия, как в свое время поэзия Майрониса, оказала влияние на становление литовского национального самосознания. А.С. Пушкин (1799–1837) – великий русский поэт. Алексей Апухтин (1840–1893) – русский поэт.

⁹⁸ Аделе Дирсите (1909–1955) – учительница, ссыльная, католичка-мирянка, автор молитвенника сибирских ссыльных „*Maġija, gelbėk mus*“ («Пресвятая Богородица, спаси нас»; впервые напечатан в США в 1959 г.). В 2000 г. начат процесс по причислению Аделе Дирсите к лику святых. Подробно: *Adelė Dirsyte: gyvenimas ir darbai*, sur. Mindaugas Bloznelis, Vilnius: Kataliku akademija, 2003.

⁹⁹ Ирена Жемайтите-Генюшене – литовский график.

¹⁰⁰ Моника Миронайте (1913–2000) – литовская актриса театра и кино. Имеется в виду поставленная режиссером Ромуальдасом Юкнявичюсом в Вильнюсском городском театре в 1942 году интерпретация драмы Ибсена, получившая высокую оценку критики и публики.

¹⁰¹ „Die goldene Stadt“ (1942), режиссер Вейт Харлан. По роману Рихарда Биллингера «Гигант» (1937).

проверяло у всех зрителей документы. Можете себе представить, как я испугалась. Но все, слава Богу, кончилось благополучно.

Шел уже 1944 год. Ситуация драматически менялась. Всем было очевидно, что немцы проигрывают войну. Понимали это, похоже, и сами немцы. В июле начались бои за Вильнюс. В предчувствии близких перемен в семье Ладигене пошли разговоры: как быть дальше? Остаться в Литве и дожидаться второй советской оккупации или податься на Запад? Решено было остаться.

С приближением фронта (а бомбили город ежедневно) Ладигене с детьми решила перебраться к г-ну Стабинису, который жил в Жирмунай, в местности, которую старые вильнюсцы именовали Лосёвкой. В те времена это был пригород Вильнюса. Она надеялась, что Жирмунай не будут бомбить, более того – у Стабиниса был подпол, где можно было в случае чего спрятаться.

Я заявила, что никуда из дома не пойду – кто-то же должен его сторожить. Ясно было, что без присмотра соседи-поляки немедленно обчистят квартиру. Как вы понимаете, я ничего не имею против поляков, но даже трудно представить себе, насколько нетерпимая к тому моменту сложилась атмосфера, а мы в доме были единственные литовцы. Ладигене пыталась меня отговорить, но тщетно. Я бесконечно любила ее и хотела таким образом отблагодарить за добро. Ответ на все аргументы был один: «Ночью буду сторожить, а днем приходить к вам в Жирмунай!»

Некоторое время так и было – ночевала я в квартире, а день проводила в Жирмунай. Но когда начались уличные бои, выполнять обещание стало невозможно. Наконец яростные схватки дошли до нашей улицы, и я оказалась арестованной в квартире. Это продолжалось целую неделю. Улица трижды переходила из рук в руки.

Должна признаться – было довольно страшно.

Во время перестрелок и бомбежек все жильцы прятались в подвале. Несколько раз комендант дома просил у меня ключи от квартиры, якобы чтобы проверить весь третий этаж на предмет возгораний. Ключей я не отдала, но несколько раз впускала его с другими соседями осмотреть квартиру.

Не зная, что я немного понимаю по-польски, я ведь хорошо знала русский, соседи все время обсуждали семью Ладигене и лично меня. „Czy ona żydówka?” («а она не еврейка?» – польск.) – слышала я несколько раз. Я, конечно, не показала виду, но страшно было, что, когда улица в очередной раз перейдет к немцам, соседи выдадут меня.

Помню, что через пять дней с начала «домашнего ареста», то есть в четверг, нервы у меня не выдержали. Дни стояли жаркие, воздух, казалось, дрожал от зноя. Тяготило постоянное напряжение и творившееся на глазах беспощадное убийство. Последней каплей стал следующий эпизод... Кажется, в среду с улицы Пилимо на Траку свернул отряд русских солдат, шестнадцатилетних мальчишек. Человек тридцать. На ул. Пранцишкону за часовней стоял немецкий танк. Когда русские приблизились к часовне, танк выехал на мостовую и открыл огонь. Погибли все солдаты. Прямо под нашими окнами...

На следующий день немцы выгнали нас закапывать трупы русских солдат. От них исходило ужасное зловоние, а если тронуть, текла коричневая жидкость. Страшно... Вдруг я заметила, что один паренек в этой куче тел еще жив. Мы с соседкой затащили раненого в наш подъезд. Ни лекарств, ни других средств помощи у нас не было, мы только дали ему воды и корку хлеба. Тем временем раненому становилось все хуже и хуже. У него были сильные боли, его била лихорадка. Когда чуть легчало, все просил сообщить о нем родным, девушке, чью фотографию он хранил в кармане. Слава Богу, когда пришли русские, мы сумели передать его им. Хотелось бы верить, что этот парнишка остался жив.

Вы не можете себе представить, какая ужасная вещь – война! Это же просто-напросто узаконенное убийство! Большинство втянутых в шестеренки этой машины убийства достойны

скорее сострадания, чем осуждения. Чем провинился какой-нибудь русский или немец, который по приказу властей обязан покинуть семью и работу, взять винтовку и идти убивать людей, не сделавших ему ничего плохого? Можно ли в условиях поголовной военной обязанности обвинять солдата, оказавшегося по ту или другую сторону фронта? Окончательно я поняла это, когда прочла прогремевшую в свое время книгу немецкого писателя Рольфа Хоххута «Наместник», где автор обвиняет Ватикан в пособничестве нацистской Германии¹⁰².

Как я уже сказала, в четверг я поняла, что больше не выдержу. Сложила в чемоданы самое ценное и собралась пешком в Жирмунай. Казалось, бои на время прекратились, но только я дошла до ворот двора и собралась выйти на улицу, перестрелка возобновилась. Так что пришлось с чемоданами возвращаться в квартиру.

Перед отступлением из Вильнюса немцы бегали по крышам и поджигали дома. Весь старый город был охвачен пожаром. В квартире было так жарко, что обои от стен отклеивались. У окна стоял буфет, а на нем – образ Остробрамской Божьей Матери. Помню, как я молилась ей, чтобы бушующее пламя обошло наш дом стороной.

В тот раз беда миновала нас...

13 июля 1944 года Вильнюс заняли советские войска, стрельба прекратилась. Около полудня в дверь постучал близкий друг г-жи Ладигене, композитор и хормейстер Конрадас Кавяцкас¹⁰³. Он жил тогда на улице Клайпедос и, пользуясь установившимся спокойствием, зашел посмотреть, что у нас делается. Я сказала, что вся семья у г-на Стабиниса, и мы решили вместе идти в Жирмунай. Помню открывшееся нам ужасное зрелище – дома разрушены, везде полно трупов русских и немецких солдат, кишки, мозги наружу... На мостовой уже высохшие ручейки крови. Где-то еще полыхает пламя. Страшно выглядел город.

Однако, как ни странно, жизнь ни на миг не останавливалась – на берегу реки Нерис, где сейчас мост Миндаугаса, мы увидели, что желающих переправиться уже ожидает лодка. Только надо было иметь немножко денег.

При помощи лодочника мы оказались на другом берегу и добрались до Жирмунай. Трудно передать эмоции, охватившие нас при встрече в доме Стабиниса. Все были измотаны недельной неизвестностью. Ладигене не могла себе простить, что оставила меня стеречь квартиру. И на меня вдруг навалился весь груз одиночества, страха и постоянного напряжения этой недели.

Увидев, что все живы и здоровы (и все еще в подвале), я стала просто орать от счастья, никак не могла остановиться. Бывают в жизни такие моменты, когда овладеть собой просто невозможно. А Ладигене потом сказала мне, что ужасно испугалась: вдруг я от всех переживаний потеряла душевное равновесие или попросту сошла с ума.

Наконец мы все обнялись, и плакали, и смеялись, что снова вместе. А я радовалась, что квартира спасена, и через несколько дней мы вернемся на Тракайскую.

Но вскоре начались новые заботы. Г-жа Ладигене очень переживала за Альгиса и своих сестер. Альгис был в Гульбиненай, а сестры – в Вабальнинкасе¹⁰⁴. От них давно ничего не было слышно, и в голову лезли всякие страшные мысли. Я предложила, что съезжу и посмотрю, как там дела. Это было рискованное путешествие, но я снова была счастлива принести пользу своей любимой второй матери. На поезде до Биржай через Паневежис я ехала три дня. Поезд не шел, а полз, постоянно останавливаясь. Я сидела на платформе, было холодно. Помню, меня обнял какой-то мужчина, чтобы согреть, но потом пришлось от него отодвинуться... Из Биржай в

---

¹⁰² Rolf Hochhuth, "Der Stellvertreter" (1963).

¹⁰³ Конрадас Кавяцкас (1905–1996) – композитор, дирижер, педагог, общественный деятель.

¹⁰⁴ У Стефании Ладигене была одна младшая сестра, Ирена Мария Цецилия Палюлите (1904–1931, монахиня) и три старших: Наталия Она Палюлите (1882–1977, швея), Северина Пранцишка Палюлите (1886–1965, акушерка) и Котрина Палюлите (1888–1973, монахиня).

Вабальнинкас, километров двадцать шесть или двадцать семь, шла пешком. Нашла и сестер, и Альгиса, живых и здоровых, так что вернулась в Вильнюс с хорошими новостями.

И начались советские времена...

Перед тем, как перейти к этим временам, хотелось бы задать Вам один вопрос. Вы рассказали много случаев, когда Вашей жизни грозила опасность. Как Вы справлялись с напряжением, которое обычно охватывает человека в такие мгновения? Ведь очевидно, что во многих случаях Ваша дальнейшая судьба зависела от умения взять себя в руки и спокойно взвесить сложившуюся ситуацию.

На самом деле не всегда удавалось овладеть собой. С другой стороны, как я уже говорила, существует какой-то инстинкт выживания, который в пограничных ситуациях особенно обостряется и помогает принять быстрое решение. Я уже рассказывала и о побеге из Каунасского гетто, и о визите гестапо в ясли. Я очень благодарна своему отцу, который воспитывал меня, готовил к самостоятельной жизни и учил логически мыслить... Кроме того, многое решают случайности, об этом мы тоже уже говорили.

В гетто жажда жизни была сильнее всего, и это тоже помогало принимать быстрые решения.

Как бы Вы могли объяснить: почему возникают такие страшные вещи, как Холокост? В поисках ответа, как правило, выбирается одна из двух возможных точек зрения. Одни утверждают, что маленький человек в определенных обстоятельствах (особенно в пору бед и лишений) становится легкой добычей для шовинистических идеологий; другие – что зло в этих случаях можно объяснить, только оперируя метафизическими категориями.

Лично мне часто кажется, что корень зла прежде всего в нас самих. Человек несовершенен и легко поддается манипуляциям. Его нетрудно заразить чувством ненависти, жаждой мести. Зло вершат нормальные люди. Философ Ханна Арендт, исследуя дело Эйхмана¹⁰⁵, говорила о “banality of evil” – «банальности зла»¹⁰⁶. Она пришла к выводу, что Эйхман, возглавивший массовое уничтожение евреев, считал себя достойным гражданином Германии, никогда не испытывал мук совести, был хорошим сыном, мужем, отцом. Эйхман просто-напросто верил в идеи Гитлера и послушно проводил их в жизнь. Зигмунт Бауман полагает, что в каждом из нас сидит потенциальный Эйхман. Очень важно в любой ситуации сохранять критическое мышление, не поддаваться индоктринации.

Тешусь надеждой, что меня спасли от банального зла две вещи: критическое мышление или желание всегда оставаться собой – и склонность везде видеть не только зло, но и добро, красоту жизни и человека. Может быть, поэтому никого из моих мучителей – ни гестаповцев, ни энкаведешников – не помню в лицо. Память сохранила только блеск их начищенных сапог.

Я не рассказывала вам свой сон, который снился мне много позже, и даже не раз?... Сажу в комнате, устланной персидскими коврами, с дочкой, ей лет десять. Уютно... Состояние полной гармонии. Внезапно распахивается дверь, тоже обитая ковром, и к нам приближается человек. Лица не вижу, только начищенные сапоги. В руке у него пистолет, а рядом хорошенький светловолосый голубоглазый мальчик лет шести. Мужчина сует мне в руки пистолет и орет: «Застрели этого мальчика, иначе я застрелю твою дочь!» Я держу пистолет в руке, при-

---

¹⁰⁵ Адольф Эйхман (1906–1962) – оберштурмбанфюрер СС, один из главных идейных вдохновителей и организаторов Холокоста. Судебный процесс по делу Эйхмана проходил в Иерусалиме. Он начался 31 мая 1961 г. В течение всего процесса Эйхман утверждал, что признает все ужасающее значение и масштабы Холокоста, но уверен, что сам был всего лишь винтиком в системе, а потому в сущности невиновен. 15 декабря 1961 г. Иерусалимский суд приговорил Эйхмана к смертной казни.

¹⁰⁶ Впервые по-английски – 1963, в русском переводе книга издана в 2008 году: Ханна Арендт, *Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме*, Москва: Европа, 2008.

жимаю к себе дочь и... просыпаюсь. И первая мысль: «Какое счастье, что я не застрелила этого мальчика, даже во сне!»

Те, кто хочет сеять зло, весьма изощрены в этом деле, так что их усилия нередко достигают цели даже тогда, когда мы считаем, что недоступны для лжи и манипуляций.

Приведу один пример, который должен подкрепить мою мысль о подстерегающей нас всех опасности. Шел 1951 год, я училась в Москве, и меня выбрали для участия в Параде физкультурников на 1 мая. Помню, как нас долго и серьезно дрессировали, пока не пришел праздничный день. И вот под грохот маршей мы шагаем на Красную площадь. Приближаемся к Мавзолею, и на трибуне появляется Сталин. Вы себе представить не можете, что сделалось на площади! Люди вели себя так, как будто увидели самого Господа Бога, спустившегося с небес... Ряды смешались, все повернулось к Сталину, толпа орала не своим голосом, тянула к нему руки!

Когда мы выходили с Красной площади, уже возле Василия Блаженного, я вдруг осознала, что ору вместе с толпой... Можете себе представить такую ситуацию? Я ведь знала, кто такой Сталин и что он творил. Я его не чтילה. Однако, сама того не ощущая, поддаюсь массовому психозу. Хорошо, что только кричала – а могла ведь, сама того не понимая, стать участницей линчевания, убить человека. Вполне возможно.

Демонстрация на Красной площади стала одним из самых страшных опытов моей жизни. Весьма проницательно писал о массовой психологии Элиас Канетти¹⁰⁷, но одно дело книжки читать, а совсем другое – ощутить это на себе и понять, что и тобой могут манипулировать.

Может, я несколько отклоняюсь в сторону, но я часто думаю, что манипуляциям поддавалась и часть этнических литовцев, особенно в том, что касается еврейского вопроса. Антисемитизм – серьезная зараза... Я долго недоумевала, почему в послевоенной литовской литературе так мало говорится о трагедии евреев. Ведь литовцы видели, как забирают, мучают и массово убивают их соседей, как уничтожается весь существовавший в Литве еврейский мир! Да, я знаю, Сигитас Гяда издал сборник «Смерть, речитатив и синий мотылек»¹⁰⁸. В журнале «Пяргале» был напечатан рассказ Антанаса Йониаса (отца А.А. Йониаса) «В колодце»¹⁰⁹. Упоминает о трагедии евреев Йонас Авижюс в романе «Потерянный кров»¹¹⁰, прекрасную поэму «Юрек» написал Альгимантас Мацкус¹¹¹. Есть и другие примеры, но в принципе тема Холокоста в Литве донныне остается маргинальной для литовской литературы¹¹². Я понимаю, что виновата отчасти антисемитская политика компартии, и все же... А ведь, говоря о таких вещах, не только историки, но и писатели могли бы учить людей состраданию, учить их сопротивляться злу... Но как мало говорится об этом в дневниках даже лучших наших писателей и литератур-

---

¹⁰⁷ Элиас Канетти (1905–1994) – немецкий писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе 1981 г. Имеется в виду книга Э. Канетти «Масса и власть» (1962).

¹⁰⁸ *Mirtis, recitatyvas ir mėlynas drugelis. Lietuvių poetai apie holokaustą*, Vilnius: Vaga, 1999.

¹⁰⁹ Впервые фрагменты неоконченного романа Антанаса Йониаса «В колодце» (Antanas Jonynas, „Suliny“) были напечатаны в журнале «Пяргале», впоследствии воспроизведены в его сборнике: *Suliny: proza, kino dramaturgija*, sud. Antanas A. Jonynas, Vilnius: Vaga, 1972. В переводе на английский: The Hill, Marlboro, NY: Affinity Billing, 2007.

¹¹⁰ Jonas Avyzius, *Sodybą tustėjimo metas*, Vilnius: Vaga, 1973.

¹¹¹ Баллада Альгимантаса Мацкуса «Юрек», в кн.: Algimantas Mackus, *Augintinių žemė*, Chicago: Algimanto Mackaus knygu leidimo fondas, 1984.

¹¹² Охарактеризованные Иреной Вейсайте тенденции несколько корректирует появление романа Сигитаса Парульскиса «Тьма и партнеры» (Sigitas Parulskis, *Tamsa ir partneriai*, Alma littera, 2012), инспирировавшего долгую дискуссию об отражении Холокоста в исторической и художественной литературе Литвы, а также жаростные дебаты по поводу оценки самого романа. Новый всплеск обсуждения темы Холокоста возник благодаря появлению публицистической книги Руты Ванагайте «Свои» (Ruta Vanagaitė, *Musiskiai*, Alma littera, 2016), вызвавшей бурю полемики в Литве и за рубежом. Об отношении литовского общества к Холокосту см. также рефлексии в литовской историографии: Hektoras Vitkus: *Holokausto atminties raida Lietuvoje. Daktaro disertacija*, Klaipėda, 2008; Stanislovas Stasiulis, *Holokaustas Lietuvoje: skirtinga istorija, ar skirtinga atmintis? Daktaro disertacija*, Vilniaus universitetas, 2018.

ных критиков. Как верно заметил историк Эгидиус Александровичюс – Холокост не остался «в коллективной памяти литовского народа».

Писали о Холокосте Григорий Канович и Ицхокас Мерас, но, по-моему, очень важно, чтобы эту трагическую страницу литовской истории помнили и пытались осмыслить прежде всего сами литовцы¹¹³.

Я тоже литовка, только еврейского происхождения. Поэтому меня всегда можно обвинить в тенденциозности. По этой причине я чаще всего избегаю разговоров о Холокосте и сама никогда не поднимаю этой темы, пока не спрашивают.

Мне показалась очень важной Ваша мысль, что в разговоре о трагедии евреев и литовцев многое определяет работа не только историков, но и художников.

А мне особенно дорого и важно то, как вы сказали: что это была общая трагедия евреев и литовцев. В связи с этим хочется вспомнить книгу диссидентки, писательницы, матери Василия Аксенова Евгении Гинзбург «Крутой маршрут», которая в свое время произвела на меня огромное впечатление¹¹⁴.

Гинзбург с мужем были идейные коммунисты, но в 1937 году, когда начался сталинский террор, муж был арестован¹¹⁵. Будучи уверена в его невиновности, Гинзбург, как Йозеф К. из романа Кафки «Процесс»¹¹⁶, ходила по инстанциям, объясняла, что произошла ошибка, что ее муж не враг народа. В конце концов арестовали и ее и на долгие годы отправили в Гулаг. Рассказывая о своих и чужих муках, она делает вывод (цитирую по памяти): «Какое счастье, что я стала жертвой, а не палачом»...

О том, что я понимаю Холокост как общую трагедию, за которую чувствую себя некоторым образом в ответе, свидетельствуют мои противоречивые эмоции во время нашей последней встречи. Более того: думая об этом, я не всегда могу однозначно ответить на вопрос: «А что сделал бы я? Может, тихо стоял бы в стороне?»

На такой вопрос никто не может однозначно ответить. Я тоже не знаю, как поступила бы. Но главное – вы ни в коем случае не стали бы на сторону палачей¹¹⁷.

Но не является ли немое наблюдение своего рода поддержкой?

Я глубоко убеждена, что вы слишком остро ставите вопрос. Как я уже говорила, главное – не множить зло и не стать убийцей. Я знаю, что в здравом уме, сознательно, никого бы никогда не убила, я очень стараюсь не умножать зло в мире. Помните тот случай, когда я стояла в очереди за хлебом? Кто тянул за язык ту женщину, которая бросила мне: «Вон отсюда, жиловка!»?

---

¹¹³ Григорий (наст. имя Яков) Канович (Grigorijus Jakovas Kanovicjus) – литовский и израильский писатель, пишет по-русски. Автор десяти романов и многих повестей и рассказов, в которых создает сагу о литваках и осмысляет трагедию Холокоста, уничтожившего мир литовского еврейства. Ицхокас Мерас (1934–2014) – еврейский литовский писатель, чей роман «Ничья длится мгновение» (Vaga, 1968) по праву считается одним из важнейших произведений о Холокосте.

¹¹⁴ Евгения Гинзбург (1904–1977) – журналист, историк, мемуарист. Воспоминания Е. Гинзбург «Крутой маршрут» (1967, вторая часть – 1975–1977) – один из первых литературных текстов, где говорится о сталинских репрессиях. Книга была впервые выпущена в Милане (текст подготовлен на основе аудиозаписей Е. Гинзбург). В СССР распространялся в самиздате. Василий Аксенов (1932–2009) – писатель, один из главных представителей поколения «шестидесятников», сын Евгении Гинзбург и Павла Аксенова.

¹¹⁵ Павел Аксенов (1889–1991) – советский партийный деятель. В 1937 г. арестован по сфабрикованному обвинению и приговорен к смертной казни, замененной в 1939 г. на пожизненные лагеря. После 18 лет лагерей Инты и ссылки в Красноярске реабилитирован в 1956 г.

¹¹⁶ «Процесс» – один из трех неоконченных романов Ф. Кафки, увидевших свет после его кончины (1925).

¹¹⁷ В процессе авторизации текста в начале 2016 г. Ирена Вейсайте оставила к этому предложению следующее примечание: «В книге Руты Ванагайте “Свои” я с радостью прочла, что 117 литовских добровольцев, поняв, что их используют не для защиты родины, а для убийства евреев, сбежали из батальона. Это не спасло обреченных на смерть евреев, но беглецы спасли свое человеческое достоинство и не запятнали себя участием в страшных преступлениях».

Я очень хорошо понимаю, в какую ситуацию попала Литва. Советская оккупация и депортации 1941 года были огромным шоком для всех. Однако, как я уже говорила, для этнических литовцев и для евреев ситуация сложилась принципиально по-разному, и это необходимо учитывать, говоря о 1941 годе. Для литовцев немцы явились как освободители, а для евреев они означали смерть. Отсюда и разница в оценке событий.

А притом еще глубокая традиция антисемитизма и успешная пропаганда Йозефа Геббельса и ЛФА¹¹⁸. Не хочется никого осуждать, но есть грань, которую не перешагнуть. Иначе уничтожишь сам себя. Не знаю, может, вам известна счастливая судьба кого-то из тех, кто убивал евреев?

Слава Богу, вам не пришлось сталкиваться в жизни с такими дилеммами.

Вы правы: думая о кровавом 20-м веке, я постоянно благодарю судьбу, что мне не пришлось разделить судьбу дедов и решать мучившие их вопросы. В то время как большинство моих знакомых сомневались и иронизировали по поводу решения Нобелевского комитета присудить премию мира 2012 года Евросоюзу, я оцениваю ее совсем иначе.

Да, Евросоюз далеко не идеальное политическое сообщество, но благодаря ему мы уже семьдесят лет живем в мире. И Литва как член Евросоюза ограждена от военной агрессии и опасности оккупации. (Хотя сейчас ситуация несколько изменилась.) Я не понимаю людей, которые только и делают, что ругают Евросоюз, вместо того чтобы приложить усилия к его совершенствованию. В конце концов необходимо понять, что по своему географическому положению и культурной традиции мы и сами принадлежим к Европе.

Говоря о том, какими моральными императивами Вы руководствовались в жизни, Вы не раз подчеркивали, что нельзя поддаваться жажде мести. Это очень важно, когда мы говорим о таких вещах, как Холокост и способность жить с подобным опытом.

Мсть – ужасная вещь, она ведет только в тупик, в нескончаемое, постоянно растущее кровопролитие. Меня от этого заблуждения спасало мамино напутствие. Никогда не ощущала потребности мстить кому-то за пережитые невзгоды. Между прочим, не раз приходилось говорить об этом с людьми, которые эту мою позицию не принимали. «Как ты можешь прощать Холокост? Какое ты имеешь право? Простить могли бы твоя мама или твой дядя, которые были убиты. Но не ты!»

Не думаю, что говоривший это был прав. Простить, особенно по прошествии определенного времени, и строить будущее – обязанность живых.

Мне кажется, если бы предо мной предстал убийца или мучитель моей мамы, и он раскаивался бы в содеянном, я бы его наверняка простила. Нельзя, наверное, простить того, кто не раскаивается в своих черных делах. Но мстить ему тоже бессмысленно.

Вспомните, как поступил папа Иоанн Павел II с турком Мехметом Али Агджа, покушавшимся на его жизнь¹¹⁹. Папа простил его, но не освободил от ответственности.

---

¹¹⁸ Йозеф Геббельс (1887–1945) – немецкий политик, один из лидеров нацизма, министр народного просвещения и пропаганды Германии в 1933–1945 гг. ЛФА (LAF) – см. примеч. 82.

¹¹⁹ Мехмет Али Агджа – турецкий преступник и террорист, прославился покушением на папу Иоанна Павла II в 1981 г.

Разговор V «Меня окружали прекрасные люди»

Война окончилась. О чем думали Вы тогда? Какую жизнь хотели строить? Где учиться? Кем и где быть?

Я чувствовала себя спасенной и обретшей возможность снова стать такой же, как все. Меня не сопровождал больше постоянный страх смерти. Меня окружали прекрасные люди, и я чувствовала их любовь.

Прежде всего я занялась розысками оставшихся в живых. Проверяла все опубликованные за эти годы списки, ожидала возвращения мамы и дяди. Конечно, надеждам моим не суждено было сбыться, их уже давно не было в живых. Постоянно приходила одна и та же весть: «умер», «погиб», «расстрелян». Однако жизнь, несмотря на все утраты, есть постоянное движение вперед. Тем более что печальные вести изредка сменялись добрыми: нашлись моя тетя Аннушка, старший двоюродный брат Вальдемар Гинзбург, двоюродная сестра Маргарита с мужем Юозасом¹²⁰. Остался жив мой двоюродный брат Алик, которого принял в семью Снечкус.

Что же касается будущего, в голове у меня неотступно вертелась главная мысль: «Надо учиться!» Как только появилась возможность, то есть в сентябре 1944 года, я пошла записываться в гимназию имени Саломеи Нерис. В послевоенные годы она находилась в помещении монастыря, возле костела Св. Котрины. Часто в классах бывал пронизывающий холод.

Гимназией Саломеи Нерис заведовала достойнейшая, невероятно интеллигентная женщина, Алдона Рапопортене-Кончювене. Встреча с ней оставила во мне глубокое впечатление. Встретить такого светящегося изнутри человека после мрака немецкой оккупации было огромным счастьем¹²¹.

До войны я закончила шесть ступеней, так что приняли меня в пятый класс. В школе я сразу встретила девочку моих лет в поношенном рыжем пальто и деревянных башмаках-клумпах. Это была Лиля Бокшицките¹²². Она стала моей подругой на всю жизнь. Лиля была из Алитуса, перед войной переехала в Вильнюс, посещала литовскую гимназию, прошла вильнюское гетто. Во время ликвидации гетто ей удалось перебраться через забор с колючей проволокой и убежать. Вначале ее приютил Казис Янавичюс, потом его мать, жившая в Алитусе¹²³. О документах позаботилась ее бывшая учительница Ванда Даугирдайте-Сруогене, которая выдавала еврейским девочкам бумаги своих погибших или пропавших учениц¹²⁴.

Как только окончилась война, Лиля сразу же вернулась в Вильнюс и тоже стала искать возможность учиться. Мы вместе поступили в пятый класс гимназии им. Саломеи Нерис. Жила она очень бедно, в общежитии для учеников, часто не хватало одежды, еды и денег. Училась отлично, была невероятно способным и при этом безгранично добрым человеком. Гимназию мы окончили за три года, обе перескочили через шестой класс.

В этой школе мне довелось встретить замечательных учителей. Прежде всего хотелось бы упомянуть нашу классную руководительницу в 7 и 8 классах Ванду Заборскайте, хотя были и другие. Литовский язык в пятом классе преподавала учительница Мацкявичене. Прекрасный

¹²⁰ Муж Маргариты (Мары) Штромайте-Каган, Юозас (Джозеф) Каган, 1915-1995) – британский предприниматель. В 1951 г. основал текстильное предприятие “Ganpex” по производству водонепроницаемых плащей, быстро вошедших в моду по всей Западной Европе.

¹²¹ Алдона Рапопортене-Кончювене руководила средней школой им. Саломеи Нерис в 1944–1948 гг.

¹²² Лиля Бокшицките – биолог.

¹²³ Казис Янавичюс (Йонайтис) – инженер. Ванда Янавичене – домохозяйка, мать Казиса Янавичюса (Йонайтиса).

¹²⁴ Ванда Даугирдайте-Сруогене (1899–1997) – литовский и американский историк, педагог, общественный деятель, жена писателя Балиса Сруоги, мать Дали Сруогайте (см. примеч. 220–221, 381).

специалист и очень интересный, чуткий человек. Она подарила мне роман Вайжгантаса «Проблески» с надписью: «Пусть даже в самой темной ночи ты увидишь, как близятся проблески!» Эту книгу я до сих пор храню в своей библиотеке.

Вел у нас уроки и хормейстер Пранас Слижис. Впоследствии он же руководил хором Вильнюсского университета¹²⁵. Мы его очень любили.

В своей автобиографии Ванда Заборскайте вспоминает¹²⁶, что ядро класса составляли семеро: Сигита Палецките, Бируте Баужайте, Лионе Некрошайте, Лиля Бокшицките, Суламита Гордонайте (с Суламитой мы до войны учились в одном классе гимназии Шолом-Алейхема, ее спасла из Каунасского гетто доктор Куторгене¹²⁷), Геновайте Шуките и я¹²⁸. Мы замечательно дружили, проявляли всяческую активность. Четыре девочки из моего класса получили вместе с аттестатом зрелости золотые медали: Сигита Палецките, Бируте Баужайте, Лиля Бокшицките и я. Сохранилась фотография, где мы сняты вчетвером, после вручения аттестатов, в литовских национальных костюмах. Эту фотографию опубликовали в газете „Komjaunimo tiesa“ («Комсомольская правда»), с короткой заметкой¹²⁹.

После вручения аттестатов, ранним утром, не спавши ночь, мы поднялись на гору Гедимина и там подписали такое обещание:

«“На излете летней ночи льется голос над водой, лаумы счастье мне пророчат: будешь вечно молодой”¹³⁰. Мы, ученицы 8 “Б” класса Вильнюсской гимназии им. Саломеи Нерис 1946–1947 г., встретимся в Вильнюсе ровно через десять лет весной 1957 года. Подписано 29 июня 1947 г.»

Видите, тут подписи всех девочек нашего 8 «Б». Подписала и Ванда Заборскайте. Учиться в гимназии Саломеи Нерис было интересно и прекрасно.

Выполнили обещание?

В некотором смысле да. Мы остались близкими друзьями. Надо сказать, что и в 7, и в 8 «Б» ученицы собрались самые разные. Как я узнала позже, среди нас были и дети ссыльных, которые, само собой, не рассказывали о судьбе родителей. Ведь то была эпоха всеобщего страха. Люди с трудом подпускали к себе других и неохотно делились чем-то личным. Но наша семерка и в те времена общалась вполне открыто.

А теперь давайте вернемся к Вашим учителям.

Тогдашней звездой гимназии была, без сомнения, наша классная руководительница – Ванда Заборскайте, которая, как мы потом узнали, сама еще училась. Кстати, в ее автобиографии я прочла, что мы не были Ванде особенно интересны. Она преподавала в гимназии, чтобы заработать на жизнь, а все ее мысли крутились вокруг Вильнюсского университета. Надо сказать, никто из нас этих ее настроений не ощущал. Она умела создать в классе особую атмосферу, мы чувствовали себя близкими ей людьми и полностью ей доверяли. Уроки Заборскайте были увлекательны и содержательны; она преподавала литовский язык и литературу, а также немецкий. Ее рассказы о Толстом и Гете, о Майронисе, Вайжгантасе и Миколайтисе-Путинасе оставили глубокое впечатление. Думаю, они во многом сформировали наше мировоззрение и систему ценностей.

¹²⁵ Пранас Слижис (1915–2004) – литовский композитор, органист, хоровой дирижер.

¹²⁶ Vanda Zaborskaitė, *Autobiografijos bandymas*, sud. Virgilija Stonytė, Vilnius: Lietuvos rasyto.ju sąjungos leidykla, 2012.

¹²⁷ Елена Куторгене (1888–1963) – врач-окулист.

¹²⁸ Сигита Палецкайте-Норейкене (1928–1986) – историк. Бируте Баужайте-Вайнейкене – физик. Лионе Некрошайте – филолог. Суламита Гордонайте-Лировене – библиотекарь. Геновайте Шуките-Григенене – литуанист, педагог.

¹²⁹ „Neraprasta diena Salomėjos Neries gimnazijoje“ («Удивительный день в гимназии им. Саломеи Нерис»), *Komjaunimo tiesa*, 1947-07-02, p. 3.

¹³⁰ Строки из стихотворения Саломеи Нерис (Nėris Salomėja, *Anksti rytą: Eilėrasčiai*, Kaunas, 1927), пер. А. Герасимовой.

Что еще следует вспомнить?

О Рапопортене и Слижисе я уже рассказывала... Отличная была учительница химии Станюлите. Она прекрасно преподавала предмет, и ей можно было доверять. Хотелось бы упомянуть еще учительницу латыни Мелайките, благодаря которой я до сих пор помню наизусть Овидия, Горация, Цицерона. Историю преподавал Бизюлявичюс, физику – Янонис, русский – Архипова. Всех этих учителей я вспоминаю с большой благодарностью, но самое главное влияние лично на меня оказала Ванда Заборскайте.

На самом деле, узнав, что Ванду Заборскайте собрались увольнять, мы пошли в Министерство просвещения. Наша «делегация» состояла, насколько помню, из Палецките, Шуките, Бокшицките и меня. Мы заявили весьма решительно, что, если у нас отнимут Заборскайте, мы уйдем из гимназии. Дело было, кажется, в начале 1947 года. Время, как вы знаете, сложное и опасное для вольномыслия... Самое интересное, что мы добились своего!

Что Вы читали в школе

Очень разные книги, которые были тогда доступны. Правда, не могу сказать, чтобы все прочитанное я поняла или, точнее, прочувствовала. Кое-что открылось мне только много позже. Взять, к примеру, Антанаса Баранаускаса и его поэму «Аникщайский бор». В школе я просто вызубрила его наизусть, как требовалось. Прошло лет двадцать, а то и больше, мы с моим мужем Григорием гуляли по лесу. Очень любили собирать грибы. Было раннее летнее утро, мы видели, как просыпается природа, как «собирается роса на листочке»... и тут я вдруг вспомнила строки Антанаса Баранаускаса, ощутила их красоту и смысл. Я выросла в городе, и отношение к природе у меня другое, чем у деревенского человека. И вот в то утро передо мной распахнулся мир Баранаускаса. Окруженная несказанной красотой леса, я подумала: «Хорошо, что в школе так много надо было учить наизусть!»

Изучали, между прочим, не только литовскую, но и мировую литературную классику. Учительница Заборскайте рекомендовала нам столько книг, что даже сомневаюсь, искала ли я в те годы что-то «на стороне».

Мне важно понять, как Вы искали свой путь после окончания гимназии. Спасибо, что показали мне свои ответы на три сформулированных классной руководительницей вопроса. Читая их, я обратил внимание на одно предложение: «У меня склонность к такой области, у которой нет будущего и которую в современных условиях исследовать неинтересно». Что имелось в виду?

Я хотела изучать психологию. Хотела глубже проникнуть в природу человека, в его мышление, в процесс формирования его характера и системы ценностей. Это, скорее всего, пришло из семьи, мама очень интересовалась психоанализом. Много об этом читала, помню на ее столе книги Зигмунда Фрейда, Карла Густава Юнга, Альфреда Адлера. Часто ездила в Вену на модные в то время семинары по психоанализу. Вот от нее, наверное, этот интерес к психологии. А может, после Холокоста хотела ответить себе самой на вопрос, где кроются корни человеческого поведения, человеческой жестокости.

Я уже говорила, что у меня были родственники в Москве. Мой дядя – брат отца Александр Вейс – был человеком из академического мира, завкафедрой цветных металлов в московском Горном институте.

Узнав о моем интересе к психологии, дядя предложил познакомить меня с известным тогда профессором психологии Сергеем Рубинштейном, который заведовал отделением психологии Института философии Академии наук¹³¹. «Что тебя интересует?» – спросил профес-

---

¹³¹ Сергей Рубинштейн (1889–1960) – психолог и философ. Основал в МГУ кафедру психологии (1943), а также инициировал создание первой в стране организации психологов при АН СССР. Во 2-й пол. 1940-х гг. в ходе антисемитской кампании

сор Рубинштейн. Я ответила, что прежде всего психоанализ. Поскольку он был дядин знакомый, разговор был достаточно откровенным. «Знаешь что, девочка, – сказал профессор, – психология в Советском Союзе не наука. Изучать интересующих тебя авторов, писать о них возможности не будет. Не советую тебе этим заниматься!» Тем разговор и кончился. Осознав, что пришлось бы изучать не настоящую психологию, а замаскированный несколькими наукообразными положениями марксизм-ленинизм, я от своих притязаний отказалась и до сих пор благодарна профессору Рубинштейну, что он помог мне это понять.

Самые важные решения относительно выбора жизненного пути я приняла, живя в семье доктора Моисея Браунса¹³². Ладигене тогда уже выслали в Сибирь, дети разъехались кто куда¹³³. Мы, само собой, поддерживали связь, но дом был разорен.

Доктор Браунс был человеком невероятной доброты. Он не только не брал денег с неимущих больных, но сам оставлял им деньги на лекарства. Но главное, всегда старался смотреть на ситуацию с оптимизмом. «Сломал руку – радуйся, что не шею!» – повторял он при всяком несчастье. Сам он чудом остался жив в концлагере Дахау. Рассказывал, как заболел в лагере тифом и был уже на пороге смерти, как вдруг ему в голову пришла мысль: «В конце концов, почему я должен умирать? Пусть Гитлер умрет! А я буду жить!» Тут произошел перелом, он пошел на поправку и выздоровел.

Жена доктора Браунса, Бетти Браунс, очень милая, интеллигентная женщина, еще в межвоенное время подготовила первый литовский учебник английского. Между прочим, и она выжила в концлагере Штуттгоф.

Так что после разгрома семьи Ладигене судьба опять явила мне милость. Я попала к очень добрым людям, которые помогли мне и в выборе жизненного пути, и при поступлении в аспирантуру, и в воспитании дочурки Алины, родившейся в 1955 году¹³⁴.

Кстати, Браунсы уговаривали меня стать врачом. Но так уж бывает, что, ощущая давление, человек начинает сопротивляться. Я чувствовала, что мне ближе гуманитарные науки. Решила изучать литовский язык и литературу и никогда об этом не жалела.

Каким встретил Вас университет?

Первые контакты с университетом были, скажем так, двусмысленными. Еще в гимназии я несколько раз ходила в университет сдавать вступительные экзамены по немецкому (который неплохо знала) за своих старших соучениц. В те времена в анкете абитуриента фотографии не было, и это открывало множество путей для «творчества».

лишился руководящих постов, однако остался одним из самых авторитетных ученых в своей сфере.

¹³² Семья Браунсов опекала Ирену Вейсайте с 1946 до 1960-х гг. После эмиграции в США они продолжали поддерживать с ней тесную связь.

¹³³ Стефании Ладигене было предъявлено обвинение в участии в атейтининкских и католических женских организациях (которые были сочтены «антисоветскими»). Ее арестовали в марте 1946 г. и осудили на 10 лет лагерей и 4 года ссылки. В июле 1947 г. она была вывезена в лагерь № 501 «Стройка» (Тюменская обл.), затем в «Ангарлаг» (Иркутская обл.). С 1954 находилась в ссылке в Голуметском р-не (Иркутская обл.)

¹³⁴ Алина Бум-Славински – филолог, переводчица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.